

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

БАРРАЯР

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Буджолд

Барраяр

«АСТ»

1991

Буджолд Л. М.

Барраяр / Л. М. Буджолд — «АСТ», 1991 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

Лорд Эйрел Форкосиган назначен регентом четырехлетнего императора Грегора. Однако далеко не всем это по душе. Барраяр охвачен интригами и заговорами. И главному смутьяну – могущественному графу Вейдлу Фордариану – удастся организовать дворцовый переворот, объявить маленького императора погибшим и обвинить в его смерти лорда Форкосигана. И только благодаря отважной супруге Эйрела – Корделии Нейсмит Форкосиган – возможно, удастся прекратить кровопролитную гражданскую войну.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лоис Макмастер Буджолд Барраяр

Lois McMaster Bujold
BARRAYAR

© Lois McMaster Bujold, 1991

© Перевод. Т.Л. Черезова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Энн и Полу

Глава 1

«Мне страшно». Корделия отодвинула штору и посмотрела вниз, на залитый солнцем двор городской резиденции Форкосиганов и подъездную аллею. Длинная серебристая машина промчалась под полукруглой аркой и затормозила возле чугунной ограды, обсаженной густым кустарником с Земли. Правительственная машина. Открылась задняя дверца, и из машины вышел человек в зеленом мундире. Третий этаж искажал перспективу, однако Корделия сразу узнала командера Иллиана – только он не признавал никаких головных уборов. Командера скрыл портик. «Беспокоиться стоит, когда Имперская служба безопасности пожалует к тебе среди ночи». Но где-то глубоко под сердцем затаился страх: «Зачем я прилетела сюда, на Барраяр? Что я сделала с собой, со своей жизнью?»

В коридоре послышались тяжелые шаги, и дверь гостиной отворилась. Появился сержант Ботари.

– Миледи, пора ехать.

– Спасибо, сержант.

Она опустила занавеску и осмотрела себя в зеркале над старинным камином (трудно поверить, но люди здесь до сих пор сжигают растительное сырье просто для обогрева жилищ).

Она вскинула голову над жестким кружевным воротником, одернула рукава жакета и легким движением колен слегка расправила длинную пышную юбку – такие носят жены здешних форов. Юбка и жакет были бежевые. Этот цвет – цвет полевой формы Бетанского астроэкспедиционного корпуса – немного успокоил Корделию. Она пригладила темно-рыжие волосы, расчесанные на прямой пробор, и сколола их над висками двумя эмалевыми гребнями. Из зеркала на нее внимательно смотрела сероглазая женщина. Нос, конечно, мог быть и поменьше, подбородок тяжеловат, но в целом – смотрится неплохо. Вполне приемлемо для ее роли.

Хорошо. Если она захочет выглядеть изящной, ей достаточно встать рядом с сержантом Ботари. Корделия считала себя высокой, но едва доставала сержанту до плеча. Лицо Ботари походило на лицо химеры – плоское, уродливое, настороженное, с крючковатым носом. Короткая военная стрижка лишь подчеркивала все неровности его черепа. Даже элегантная темно-коричневая ливрея, расшитая серебряными гербами Форкосиганов, не прибавляла ему привлекательности. «Но для его роли – вполне приемлемо».

Ливрейный слуга. Вот так понятие! Чему он служит?

«Жизни, изобилию, священной чести и начинаниям нашим». Она приветливо кивнула отражению сержанта, повернулась и пошла за ним по лестницам и переходам резиденции Форкосиганов.

Надо как можно скорее научиться ориентироваться в этом лабиринте. Неловко было бы заблудиться в собственном доме и спрашивать дорогу у кого-нибудь из охранников – особенно ночью, завернувшись в полотенце после душа. «Я ведь когда-то была навигатором скачкового корабля. Правда». Уж если ей удавалось разбираться в пятимерной навигации, то с какими-то тремя измерениями просто грех не справиться.

Они вышли на площадку широкой винтовой лестницы, грациозно сбегавшей вниз, к черно-белому вестибюлю. Разлетающаяся юбка создавала ощущение полета.

У последней ступени их поджидал высокий молодой человек, опиравшийся на трость. Заслышав шаги, он поднял голову и улыбнулся Корделии. Лицо лейтенанта Куделки было столь же приятным, сколь лицо Ботари – отталкивающим, и даже горькие морщинки в уголках глаз и губ не портили его. Корделия знала, что длинные рукава и воротник-стойка скрывают паутину тонких красных шрамов, покрывающих большую часть его тела. Обнаженный Куделка мог бы служить наглядным пособием на лекции по изучению нервной системы: каждый шрам соответствовал погибшему нервному волокну, извлеченному и замененному искусственным –

тончайшей серебряной нитью. Лейтенант Куделка еще не совсем привык к своей новой нервной системе, да и работа хирургов была явно ниже бетанских стандартов. «Скажем прямо: здешние хирурги – неуклюжие и невежественные мясники».

Корделия постаралась скрыть свои мысли.

Куделка неловко повернулся и кивнул Ботари:

– Привет, сержант. Здравствуйте, леди Форкосиган.

Это новое имя все еще звучало для нее непривычно, неестественно. Она улыбнулась в ответ:

– Доброе утро, Ку. Где Эйрел?

– В библиотеке с командером Иллианом – выбирают место для монтажа шифровального комм-пульта. Они сейчас придут. Да вот и они.

Корделия проследила за его взглядом. Под аркой появился Иллиан – худой, невзрачный и вежливый, а рядом с ним – плотный, крепко сбитый мужчина лет сорока с небольшим, выглядевший в парадном имперском мундире очень и очень величественно: лорд Эйрел Форкосиган, адмирал в отставке, ради которого она прилетела на Барраяр.

– Приветствую вас, миледи, – негромко произнес он, протягивая руку. Тон был сдержанным, но в ясных глазах Эйрела Форкосигана светилась искренняя любовь. «Похоже, в этих двух зеркалах я выгляжу невиданной красавицей – в отличие от того, что минуту назад видела наверху. Отныне я буду смотреться только в них – в глаза моего мужа».

Слова «мой муж» укоренились в сознании так же быстро, решительно и крепко, как ее рука легла в его руку. А вот новое имя – «леди Форкосиган» – по-прежнему словно отскакивало от Корделии.

Она посмотрела на Ботари, Куделку и Форкосигана, оказавшихся на какой-то момент рядом. «Трое ходячих инвалидов. И я – женщина из вспомогательных войск. У Ку изувечено тело, у Ботари – разум, у Эйрела – дух. Все они получили почти смертельные ранения на прошлой, эскобарской, войне, но жизнь все же продолжается. Шагай вперед вместе с ней или умирай. Неужели мы все наконец начинаем выздоравливать? Хотелось бы в это верить».

– Ты готова, мой дорогой капитан? – спросил Форкосиган.

– Настолько, насколько это возможно.

Командер и лейтенант направились к машине. Рядом с быстро шагавшим Иллианом нетвердая походка Куделки была особенно заметна, и Корделия сочувственно посмотрела ему вслед. Она взяла мужа под руку, и они пошли следом за ними, оставив резиденцию на попечение Ботари.

– Что намечено на ближайшие дни? – спросила Корделия.

– Ну, сначала, конечно, эта аудиенция, – ответил Форкосиган. – Потом я встречаюсь с членами Совета Графов. Всеми приготовлениями займется граф Фортала. Через несколько дней будет получено одобрение Объединенного Совета, и затем меня приведут к присяге. У нас не было регентов уже сто двадцать лет – одному Богу известно, что за ритуал они раскопают в своих архивах.

Куделка уселся рядом с водителем, а командер Иллиан расположился в салоне напротив Корделии и Форкосигана. По толщине закрывшегося над ними прозрачного колпака Корделия поняла, что машина бронированная. Иллиан дал знак шоферу, и автомобиль плавно выехал на улицу. Внутри не проникало практически ни звука.

– Супруга лорда-регента. – Корделия попробовала эти слова на вкус. – Теперь это мой официальный титул?

– Да, миледи, – ответил Иллиан.

– С ним связаны какие-нибудь служебные или общественные обязанности?

Иллиан взглянул на Форкосигана. Тот ответил:

– Гм... И да, и нет. Тебе придется посещать всевозможные церемонии, начиная с похорон императора. Это мероприятие станет чертовски утомительным для всех – за исключением, кажется, самого Эзара, который вот-вот испустит дух. Не знаю, назначил ли он определенный день собственных похорон, но не удивлюсь, если это так. А общественные дела... ну, их будет столько, сколько ты пожелаешь. Благотворительность, важные бракосочетания, крестины и похороны, встречи депутатов из провинций – короче, связь с общественностью. То, что с таким блеском получается у вдовствующей принцессы Карин. – Заметив ужас в глазах жены, Форкосиган поспешно добавил: – Но, если захочешь, можешь вести сугубо частную жизнь. Сейчас у тебя для этого есть прекрасный предлог. – Он обнял жену и незаметно погладил ее пока еще плоский живот. – По правде говоря, я бы предпочел, чтобы ты себя не слишком утруждала. Ну а с политической точки зрения... Мне бы очень хотелось, чтобы ты стала связующим звеном между мной и вдовствующей принцессой и принцем. Подружись с ней, если сможешь, – она очень замкнутая женщина. А воспитание маленького императора – жизненно важное дело. Мы не имеем права повторить ошибку Эзара Форбарры.

– Могу попробовать, – вздохнула она. – Нелегкая эта роль – быть барраярским фором.

– Только не принуждай себя. Я совсем не хочу, чтобы ты чувствовала себя связанной. Кроме того, есть еще одно соображение.

– И почему это меня не удивляет? Но продолжай.

Он помолчал, тщательно подбирая слова.

– Когда покойный принц Зерг обозвал графа Форталу фальшивым прогрессистом, он не так уж и ошибался. Сильнее всего задевают те насмешки, в которых есть доля правды. Граф пытался создать свою партию прогресса из аристократов – из тех, кто уже имеет реальную власть, как сказал бы он сам. Ты видишь изъян в его рассуждениях?

– Изъян величиною примерно с каньон Хогарта на моей родной планете? Да, вижу.

– Ты – бетанка, и к тому же знаменита на всю Галактику.

– Ну, полно.

– У нас тебя считают героиней. По-моему, ты это не совсем осознаешь. Кстати, мне это очень лестно.

– Я надеялась, что ничем не выделяюсь. Да и с чего мне быть популярной – после того, что мы сделали с вами на Эскобаре?

– Это – особенность национальной психологии. Превыше всего барраярцы ценят воинскую доблесть. А ты как бы объединяешь два враждующих лагеря: военную аристократию и прогалактический плебс. С твоей помощью я мог бы перетянуть на сторону императора весь центр Лиги защиты народа. Если, конечно, ты согласишься разыграть мои карты.

– Боже правый! И давно ты это обдумываешь?

– Саму проблему – давно. Твою роль – только с сегодняшнего дня.

– И ты видишь меня в качестве номинального лидера какой-то партии?

– Нет-нет. Мне же предстоит присягнуть, что я не допущу именно этого. Передать принцу Грегору императорский титул без реальной власти значило бы нарушить дух моей клятвы. Но я хотел бы... Я хотел бы найти способ привлечь на государственную службу лучших представителей всех классов, народов и партий. Форы – слишком малая группа, чтобы можно было черпать таланты только оттуда. Правительство должно стать похожим на армию – точнее говоря, на армию в идеале, когда способные продвигаются по службе вне зависимости от их происхождения. Император Эзар пытался сделать что-то подобное, укрепляя министерства за счет графов, однако его затея провалилась – графы бестолковы, а чиновники продажны. Но существует же какой-то способ найти равновесие!

Корделия вздохнула:

– Полагаю, нам придется сойтись на том, что полного согласия мы не достигли. И предупреждаю – буду стараться тебя переубедить.

Иллиан поднял бровь. Корделия откинулась на спинку сиденья, с грустью наблюдая за пролетающей мимо окнами столицей Барраяра – Форбарр-Султаном. Четыре месяца назад она выходила замуж не за регента, а всего лишь за отставного офицера барраярского Генштаба. Конечно, мужчины после свадьбы обычно меняются, и чаще всего к худшему – но чтобы настолько?.. И так быстро? «Я под этим не подписывалась, сэр».

– Вчера император Эзар выказал тебе необычайное доверие, назначив регентом. Не думаю, чтобы он был таким безжалостным прагматиком, каким ты его изображаешь, – заметила она.

– Да, это демонстрация доверия, но она вызвана необходимостью. Значит, ты не обратила внимания на то, что капитан Негри приписан ко двору принцессы?

– Нет. В этом есть какой-то скрытый смысл?

– О да, и вполне очевидный. Негри остается в своей прежней должности шефа Имперской службы безопасности. Конечно, с докладами он будет приходить не к четырехлетнему мальчику, а ко мне. Коммандер Иллиан на самом деле будет только его помощником. – Тут Форкосиган с Иллианом обменялись ироническими взглядами. – Но можешь не сомневаться, на чьей стороне окажется Негри, если я... э-э... забудусь и начну примерять императорскую корону. Он наверняка имеет тайный приказ устранить меня при первых же признаках узурпаторских намерений.

– О! Уверяю тебя, что не имею никакого желания сделаться императрицей Барраяра, – на тот случай, если ты сомневался.

– Я так и думал.

Машина затормозила перед воротами в каменной стене. Четверо охранников тщательно осмотрели прибывших, проверили пропуск Иллиана и дали разрешение ехать. Все эти охранники – и здесь, и в доме Форкосиганов – от кого они охраняют лорда-регента? Надо полагать, от каких-то людей этого странного мира, раздираемого междоусобной враждой. Корделии все время вспоминалась одна фраза старого графа, очень ее насмешившая: «Если кругом столько навоза, значит, где-то поблизости пони». Очень барраярская фраза. На Колонии Бета лошадь встретишь разве что в зоопарке. «Если кругом столько охранников... Но ведь я никому не желаю зла, откуда же у меня могут взяться враги?»

Иллиан уже несколько минут ерзал на своем месте.

– Я прошу вас, сэр, – наконец обратился он к Форкосигану, – даже умоляю: пересмотрите ваше решение и переезжайте жить сюда, во дворец. Обеспечение безопасности... все мои проблемы, – он чуть улыбнулся, и его курносая физиономия стала до неприличия мальчишеской, – решались бы гораздо легче.

– И какие помещения вы бы мне предложили? – спросил Форкосиган.

– Ну... После коронации Грегор с матерью перейдут в императорские покои. Тогда комнаты принцессы Карин освободятся.

– Вы хотите сказать, комнаты кронпринца Зерга? – Адмирал помрачнел. – Я бы предпочел, чтобы официальной резиденцией регента был дом Форкосиганов. Мой отец теперь все больше времени проводит в поместье, в Форкосиган-Сюрло. Думаю, он не будет возражать, если мы его потесним.

– Право же, сэр, я не могу одобрить эту идею. Исключительно с точки зрения безопасности. Резиденция Форкосиганов расположена в старой части города. Планировка улиц там – хуже некуда. Под этим районом проходит по крайней мере три системы канализационных туннелей, а рядом – новые кварталы с высотными зданиями, откуда ваш дом легко... э-э... просматривается. Понадобится по крайней мере шесть постоянных постов, чтобы обеспечить самую элементарную защиту.

– У вас достаточно людей?

– Так точно.

– Значит, резиденция Форкосиганов. – Заметив огорчение Иллиана, адмирал утешил его: – Возможно, это плохо с точки зрения безопасности, зато хорошо с точки зрения пропаганды, отличное свидетельство... хм... солдатской скромности нового регента. Притом и опасений насчет дворцового переворота поубавится.

Они подъехали ко дворцу, по сравнению с которым даже трехэтажный особняк Форкосиганов казался миниатюрным. В этом колоссальном сооружении смешались стили самых разных эпох: порталы, башни, пристройки теснили друг друга, образуя то единые архитектурные ансамбли, то уютные дворiki, подчас весьма гармоничные, подчас – довольно беспорядочные. Восточный фасад блистал великолепием каменной резьбы. Самым древним было западное крыло.

Машина остановилась перед парадным входом на южной – современной – стороне дворца, и Иллиан провел чету Форкосиганов мимо еще одной группы охранников наверх по широкой каменной лестнице. Они поднимались медленно, подлаживаясь под неуверенные шаги лейтенанта Куделки. «Неужели здесь нет даже лифта? – раздраженно подумала Корделия. – А в противоположном крыле этого каменного лабиринта, в комнате с окнами на северный парк, на гигантской старинной кровати ждет своего смертного часа измученный болезнью седой как лунь старик...»

Они вошли в просторный зал второго этажа, весь застеленный коврами и увешанный картинами. Повсюду виднелись столики, заставленные какими-то изящными безделушками. Корделия предположила, что все это – тоже произведения искусства: она еще не разобралась, что на этой планете искусство, а что – промышленное производство. Здесь их ждал невысокий пожилой офицер с непроницаемым лицом – капитан Негри. Он тихо беседовал о чем-то со светловолосой скромно одетой девушкой. С легендарным шефом Барраярской службы безопасности Корделия познакомилась накануне – после того, как в северном крыле дворца состоялись исторические переговоры Форкосигана с императором Эзаром Форбаррой, готовящимся оставить этот мир. Сейчас великий контрразведчик, сорок лет верой и правдой служивший своему господину, почтительно склонился к руке Корделии, и его «миледи» прозвучало без всякого сарказма, обычно так свойственного ему. А его молодая спутница выдержала взгляд Корделии, ответив еще более любопытным взглядом.

Форкосиган и Негри обменялись краткими приветствиями, как люди, знающие друг друга уже столько лет, что все вежливые фразы давно спрессовались в некий символический возглас.

– Это – мисс Друшикко. – Негри не столько представил, сколько обозначил незнакомку, небрежно махнув рукой в ее сторону.

– И кто такая мисс Друшикко? – с веселым отчаянием спросила Корделия. Похоже, что здесь все, кроме нее, знают все заранее.

– Я – служащая внутренних покоев, миледи, – отозвалась девушка, сделав нечто вроде реверанса.

– А кому вы служите? Не считая покоев.

– Принцессе Карин, миледи. Это – моя официальная должность. В списках капитана Негри я числюсь телохранителем первого класса.

Трудно было сказать, какое из двух званий вызывало у нее большую гордость, но Корделии показалось, что скорее второе.

– Я уверена, капитан не ошибся в оценке вашей квалификации.

Это вызвало улыбку.

– Спасибо, миледи. Я стараюсь.

Повинуясь приглашающему жесту капитана Негри, все проследовали за ним в длинную залитую солнцем комнату, многочисленные окна которой выходили на юг. Глядя на разностильную мебель, Корделия гадала, что это – бесценный антиквариат или потрепанное старье.

На затянутом желтым шелком диванчике в дальнем конце комнаты сидела та, чью безопасность охраняла мускулистая мисс Друшикко.

Вдовствующая принцесса Карин оказалась худой женщиной с задумчивым сосредоточенным взглядом. На вид ей можно было дать лет тридцать. Скромное серое платье, никаких украшений – единственной данью моде была высокая замысловатая прическа. Темноволосый мальчик лет четырех, будущий император Барраяра, с серьезным видом втолковывал что-то игрушечному стегозавру размером с кошку, а тот отвечал ему забавной скороговоркой. Принцесса велела сыну встать, выключить игрушку и сесть рядом. Малыш беспрекословно взобрался на диван и замер, продолжая крепко сжимать усаженного на колени кибернетического зверя. Корделия с удовольствием отметила, что маленький принц одет разумно, по возрасту: в удобный комбинезончик.

Негри официально представил Корделию августейшим особам. Корделия не знала, следует ли ей поклониться, сделать реверанс или отдать честь – и в конце концов просто слегка наклонила голову. Внук Эзара Форбарры устоял на нее пугливо и настороженно, и Корделия улыбнулась, надеясь, что улыбка получится дружелюбно-успокаивающей.

Форкосиган опустился на колено (только Корделии было видно, как он сглотнул) и спросил:

– Вы знаете, кто я, принц Грегор?

Мальчик немного отпрянул, прижался к матери и вопросительно посмотрел на нее. Та ободряюще кивнула. Лишь после этого прозвучал тонкий детский голосок:

– Вы – лорд Эйрел Форкосиган.

Форкосиган старался говорить как можно мягче, изо всех сил сдерживая свою быющую через край энергию.

– Ваш дедушка попросил меня быть при вас регентом. Кто-нибудь объяснил вам, что это значит?

Грегор молча покачал головой. Приподняв бровь, Форкосиган бросил на Негри взгляд, в котором читался легкий упрек. Но на лице капитана не дрогнул ни один мускул.

– Это значит, что я буду исполнять обязанности вашего дедушки, пока вы не достигнете совершеннолетия – двадцати лет. Вместо вашего дедушки я буду заботиться о вас и вашей маме, прослежу, чтобы вы получили достойное образование и воспитание, которое даст вам возможность исполнить возложенную на вас миссию не хуже, чем это делал ваш дедушка. Чтобы вы стали хорошим правителем.

Знает ли этот мальчуган, что такое правитель? Форкосиган избегал говорить «вместо вашего отца» – он старался вообще не упоминать о кронпринце Зерге, поняла Корделия. Зерг того и гляди вообще исчезнет из истории Барраяра – исчезнет так же бесследно, как он расплылся во время космического боя.

– Ну а пока, – продолжал Форкосиган, – ваша работа – хорошо учиться и слушаться вашу маму. Вы справитесь с этим, не правда ли?

Грегор заморгал.

– Я думаю, у вас прекрасно получится. – Тут Форкосиган решительно кивнул мальчику – точно так же, как он кивал своим подчиненным-офицерам, и встал.

«У тебя тоже все прекрасно получится, Эйрел», – подумала Корделия.

– Раз уж вы здесь, сэр, – заговорил Негри, выдержав паузу на случай, если регент захочет сказать что-нибудь еще, – хорошо бы вам зайти в штаб. Мне хотелось бы показать вам два-три доклада. Последнее сообщение из Даркоя свидетельствует о том, что граф Форлакиал был уже мертв, когда резиденция загорелась, а это бросает новый свет – или тень – на данное дело. И еще надо решить вопрос о реорганизации Министерства политвоспитания...

– Да нет, о его расформировании, – буркнул Форкосиган.

– Возможно. И, как всегда, саботаж на Комарре...

– Понял. Пошли. Корделия... э-э...

– Может быть, леди Форкосиган хочет задержаться и немного поговорить? – вежливо спросила принцесса Карин.

Форкосиган с признательностью посмотрел на нее:

– Благодарю вас, ваше высочество.

Проводив взглядом удалившихся офицеров, Карин чуть-чуть расслабилась.

– Вот и хорошо. Мне хотелось побыть с вами вдвоем.

Грегор соскользнул с дивана и вернулся к своей игре. А мисс Друшикко пристально посмотрела на закрывшуюся за мужчинами дверь.

– Что с этим лейтенантом? – Ее голос прозвучал неожиданно резко.

– Лейтенант Куделка попал под луч нейробластера, – сдержанно ответила Корделия, предполагая, что за странным тоном девушки скрывается неодобрение. – Это произошло год назад, когда он служил с Эйрелом на «Генерале Форкрафте». Потом его лечили, но, боюсь, операция выполнена ниже уровня галактических стандартов.

Она прикусила язык – ее слова могут быть восприняты как критика в адрес хозяйки дома. Хотя, конечно, принцесса Карин не может отвечать за сомнительное качество барраярской медицины.

– Его ранили во время эскобарской кампании? – заинтересовалась Друшикко.

– В некотором роде это можно считать первым выстрелом эскобарской войны. Хотя стоит признать – стреляли в него свои.

– Леди Форкосиган... или правильнее будет сказать – «капитан Нейсмит»... присутствовала при этом, – заметила принцесса Карин. – Так что она-то знает.

Корделия не могла понять выражения ее лица. Однако теперь уже не приходилось сомневаться, что некоторые из знаменитых докладов Негри попадались на глаза ее высочеству.

– Ужасно перенести такое! А прежде он, по-видимому, был очень спортивным, – сказала девушка.

– Да. – Обрадовавшись, что ей не понадобится защищать Куделку, Корделия улыбнулась. – Я считаю, что нейробластер – мерзкое оружие.

– Садитесь, леди Форкосиган. – Принцесса Карин похлопала по диванчику рядом с собой. – Дру, вы не отведете принца Грегора на полдник?

Друшикко понимающе кивнула, словно в этой простой просьбе заключался какой-то особый тайный смысл, взяла мальчика за руку и вышла. Из-за закрывшейся двери донесся детский голосок:

– Друши, а можно мне пирожное с кремом? И еще одно – для Стегги?

Корделия почтительно села рядом с принцессой, размышляя о докладах Негри и о том, как представляли себе на Барраяре недавнюю неудачную кампанию по захвату Эскобара. Эскобар, добрый сосед и союзник Колонии Бета... Оружие, уничтожившее наследного принца Зерга и его корабль в пространстве у Эскобара, было доставлено через заслон барраярского флота неким капитаном Корделией Нейсмит из Бетанского астроэкспедиционного корпуса. Эта часть правды известна всем, и извиняться за нее не приходится. А вот закулисные события, происходившие в высшем командовании Барраяра, – вот они... чреваты. Да, это самое подходящее слово – чреваты бедой, как неумело хранимые токсичные отходы. Но додумать эту мысль до конца Корделия не успела – к ее ужасу, принцесса стремительно подалась вперед, порывисто схватила ее правую руку, поднесла к губам и поцеловала.

– Я поклялась, – хрипло проговорила Карин, – что поцелую руку, убившую Джеса Форратьера. Спасибо вам. Спасибо. – Голос ее прерывался, лицо исказилось. Через несколько секунд она выпрямилась, снова овладев собой, и кивнула. – Спасибо. Да благословит вас Господь.

– О-о!.. – Изумленная Корделия потеряла место, куда пришелся поцелуй. – Э-э... Я... Эта честь принадлежит другому, миледи. Я присутствовала при том, как адмиралу Форратьеру перерезали горло, но сделала это не я.

Карин сжала руками колени, глаза ее засияли.

– Значит, все-таки лорд Форкосиган!

– Нет! – Корделия досадливо поморщилась. – Капитану Негри следовало бы показать вам правдивый доклад. Это сержант Ботари. Тогда он спас мне жизнь.

– Ботари?! – ахнула принцесса. – Чудовище Ботари? Ботари, сумасшедший ординарец Форратьера?

– Я согласилась, чтобы меня обвинили вместо него, – пояснила Корделия, – потому что в противном случае сержанта пришлось бы казнить за убийство и мятеж, а так он остался цел. Но я... но мне не следует присваивать заслуженные им похвалы. Я передам ему вашу благодарность, если желаете, но не уверена, что он помнит о происшедшем. После войны, еще до увольнения, его подвергли чудовищной психотерапии. Тому, что вы, барраярцы, называете терапией... – Корделия опасалась, что психотерапия была у них на том же уровне, что и нейрохирургия. – К тому же, насколько я понимаю, он и прежде был... э-э... не вполне нормален.

– Да, – подтвердила Карин. – Я считала, что он – раб Форратьера.

– Он смог... смог переступить через рабство. Более героического поступка я никогда не видела. – Помолчав, Корделия спросила: – Вы вините адмирала Форратьера в... э-э... совращении принца Зерга?

(Раз уж они говорят откровенно...)

– Джес Форратьер... – Карин судорожно сжала руки. – ...нашел в Зерге единомышленника. Изобретательного компаньона своих мерзких забав. Может быть, не вся вина лежит на Форратьере. Не знаю. – Помолчав, она добавила: – Эзар защищал меня от Зерга, когда я забеременела. Я не видела мужа больше года, а потом он погиб...

– Эзар был прекрасным защитником. Надеюсь, Эйрел окажется не хуже, – осмелилась сказать Корделия.

(Можно ли говорить об императоре Эзаре в прошедшем времени? Похоже, все остальные находят это вполне естественным.)

Усилием воли Карин вернулась к реальности.

– Чаю, леди Форкосиган? – улыбнулась она, возвращаясь к светскому тону. Прикоснувшись к комм-линку, спрятанному в драгоценной броши на плече, принцесса отдала соответствующие распоряжения. Личная беседа была закончена, и теперь капитану Нейсмит требовалось быстро сообразить, как должна держаться леди Форкосиган на чаепитии у принцессы.

Грегор и телохранительница появились почти одновременно с кремовыми пирожными. Покорив пылкими просьбами сердца дам, будущий император ухитрился получить вторую порцию, но третью Карин решительно запретила. Сын принца Зерга казался самым обычным мальчиком. Корделия наблюдала за ним и Карин с глубоким интересом. Материнство. Все с этим справляются. Насколько же тяжела эта ноша?

– Как вам понравился ваш новый дом, леди Форкосиган? – любезно осведомилась принцесса. Именно таким, по барраярской традиции, должен быть разговор за чайным столом: никаких откровений. Не при детях.

Корделия задумалась над вопросом.

– Усадьба в Форкосиган-Сюрло просто великолепна. Это чудесное озеро... Оно больше любой водной поверхности на всей Колонии Бета, а Эйрел воспринимает его как нечто само собой разумеющееся.

Лишь в эту минуту Корделия осознала, что слово «дом» по-прежнему означает для нее «Колония Бета». Ну и пусть – все равно она согласна провести оставшуюся жизнь в старом замке на берегу озера, в объятиях своего любимого мужа.

– А столица... Ну, она, безусловно, занятнее всего, что есть у нас... на Колонии Бета. Хотя, – смущенно рассмеялась она, – здесь, по-моему, чересчур много солдат. В последний раз в окружении такого количества зеленых мундиров я была в лагере военнопленных.

– Мы все еще кажемся вам врагами? – с любопытством спросила принцесса.

– О... Вы перестали казаться мне врагами задолго до окончания войны. Просто жертвы, жертвы собственной слепоты.

– У вас зоркие глаза, леди Форкосиган. – Принцесса сделала небольшой глоток, улыбаясь в чашку.

Корделия изумленно моргнула.

– Резиденция Форкосиганов действительно становится похожа на казармы, когда туда приезжает граф Петер, – заметила она. – Все эти ливрейные слуги... горничные сразу прячутся по углам. Кажется, издали я видела двоих, но пока ни одной не поймала. Конечно, я имею в виду барраярские казармы. Наша бетанская армия совсем другая.

– У вас там могут служить все – и мужчины, и женщины? – спросила Друшикко. Уж не зависть ли горит в ее взгляде?

– Конечно, все обязанности в нашей армии распределяются с учетом способностей и возможностей каждого, – пояснила Корделия, – и работа, требующая физической силы, достается мужчинам. Но это никак не связано со служебной иерархией.

– Представляю, как уважают таких женщин, – вздохнула Друшикко.

– Ну, если люди рискуют своей жизнью ради общества, то вполне естественно, что они пользуются уважением, – спокойно отозвалась Корделия. – Честно говоря, мне здорово не хватает моих подруг-офицеров. Умных женщин, техников, с какими я дружила дома. – Вот оно опять, это двусмысленное слово «дом». – Здесь ведь тоже должны быть умные женщины, раз так много умных мужчин. Интересно, где же они прячутся?

Тут Корделия прикусила язык, она вдруг подумала, что Карин может истолковать эту фразу как оскорбительный выпад. Добавлять «не считая присутствующих» значило бы только усугубить неловкость.

Впрочем, если принцесса и отметила бестактность последнего замечания своей гостьи, то не подала виду, а от дальнейших промахов Корделию спасло возвращение мужа. Почтительно распрощавшись и поблагодарив за прием, супруги покинули дворец.

В тот же вечер командер Иллиан опять приехал в резиденцию Форкосиганов – на этот раз в сопровождении Друшикко, которая несла в руке большой чемодан и с любопытством осматривалась по сторонам.

– Капитан Негри откомандировал мисс Друшикко для личной охраны супруги регента, – коротко объявил Иллиан.

Эйрел одобрительно кивнул.

Оставшись наедине с Корделией, Друшикко вручила ей большой запечатанный конверт без адреса. Корделия удивленно вскинула брови. Внутри оказался лист плотной бумаги кремового цвета, а на нем – всего две строки. Почерк был мелкий и аккуратный, подпись – четкая, без завитушек. «С наилучшими пожеланиями, – гласило письмо. – Она вам подойдет. Карин».

Глава 2

Проснувшись на следующее утро, Корделия обнаружила, что Форкосиган уже ушел. Она решила посвятить день покупке, которую задумала накануне, глядя, как Куделка с трудом взбирается по лестнице. А Друшикко исполнит роль проводника в задуманной экспедиции.

Корделия оделась и отправилась разыскивать свою телохранительницу. Найти ее оказалось нетрудно: она сидела в коридоре у самой двери спальни, а при появлении Корделии встала по стойке «смирно». Право же, этой девушке просто необходима военная форма, решила Корделия, платье делает ее высокую мускулистую фигуру слишком массивной. Корделия не знала, может ли она в качестве супруги регента учредить собственную ливрею, и в течение всего завтрака развлекалась тем, что пыталась придумать такое одеяние, которое подошло бы этой красотке с внешностью валькирии.

– А знаете, ведь вы – первая женщина-охранник, которую я встретила на Барраяре, – сказала Корделия, расправляясь с кашей, яичницей и кофе, которые, видимо, представляли собой традиционный барраярский завтрак. – Почему вы выбрали эту работу?

– Ну, я же не настоящий охранник, как ливрейные слуги... – «Ага, опять магия мундира». – ...но мой отец и трое братьев состоят на имперской службе. А охрана – самое близкое к тому, чтобы стать военной вроде вас, миледи. – «Помешана на армии, как и все барраярцы».

– Да?

– В юности я занималась спортивным дзюдо. Но я слишком крупная, чтобы спарринговать с другими девушками. Никто не мог работать со мной в паре, а без конца отрабатывать прием без партнера – очень уж скучно! Но братья, бывало, тайком брали меня на свои тренировки, и вот там все получалось прекрасно. Еще в школе я стала чемпионкой Барраяра среди женщин. А потом, три года назад, к моему отцу пришел человек капитана Негри и предложил для меня работу. Тогда-то меня обучили обращению с оружием. Оказалось, принцесса Карин уже много лет просила подобрать ей телохранительницу, но найти подходящую, такую, чтобы выдержала все испытания, никак не удавалось. Хотя, – добавила она с деланной улыбкой, – женщине, которая в одиночку справилась с адмиралом Форратьером, вряд ли потребуются мои услуги.

Корделия поперхнулась.

– О! Мне просто повезло. Кроме того, сейчас я предпочла бы не вступать в рукопашный бой. Я ведь, знаете ли, беременна.

– Да, миледи. Это было в одном из...

– ...докладов капитана Негри, – договорила Корделия. – Не сомневаюсь. Он наверняка узнал об этом раньше, чем я.

– Да, миледи.

– Когда вы были ребенком, ваши склонности поощряли?

– Нет... нисколько. Меня считали странной.

Друшикко нахмурилась, и Корделия поняла, что вызвала неприятные воспоминания. Она внимательно посмотрела на девушку:

– Старшие братья?

Голубые глаза изумленно распахнулись.

– Да.

– Ну конечно. – «А я-то боялась Барраяра из-за того, что он делает со своими сыновьями. Немудрено, что им было трудно найти женщину, которая прошла бы все испытания». – Итак, вы обучены обращению с оружием. Прекрасно. Вы можете сегодня повести меня за покупками?

Телохранительница потупилась.

– Да, миледи. Какие именно наряды вам угодно посмотреть? – вежливо спросила она, с трудом скрывая, насколько разочарована тряпичными интересами своей «настоящей военной» патронессы.

– Где в городе можно приобрести действительно хорошую трость-шпагу?

Глаза девушки снова вспыхнули.

– О, я знаю такое место! Там покупают оружие все лорды и графы – и для себя, и для своих слуг. То есть... внутрь я, конечно, никогда не заходила. Моя семья – не форы, нам не разрешается иметь личное оружие. Только служебное. Но этот магазин считается лучшим.

За руль сел один из оруженосцев старого графа Форкосигана. Корделия откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь видами города. Друшикко весьма ревностно относилась к своим служебным обязанностям; она не переставала настороженно вглядываться в людские толпы, окружавшие машину. Время от времени ее рука тянулась проверить парализатор, спрятанный под вышитым болеро.

Они свернули в чистую узкую улочку. С обеих сторон возвышались фасады домов, построенных из тесаного камня. На вывеске оружейного магазина была указана лишь фамилия владельца «Синглинг» – небольшие золотые буквы. Очевидно, предполагалось, что если вы не знаете, куда попали, то и делать вам тут нечего. Охранник остался ждать на улице, а Корделия с Друшикко вошли в помещение, устланное коврами и отделанное полированным деревом. В воздухе витал едва различимый запах стали и ружейного масла, и Корделии вдруг вспомнился ее корабль. Ароматы дома в чужом краю! Разглядывая краем глаза деревянные панели, она мысленно прикинула их стоимость в бетанских долларах. Получилось нечто невообразимое. Но здесь, на Барраяре, дерево почти так же распространено, как пластик – и почти так же мало ценится. Вдоль стен тянулись искусно оформленные витрины со всевозможными типами и моделями личного оружия, разрешенного для ношения аристократам. Кроме парализаторов и охотничьих ружей, здесь имелась внушительная коллекция шпаг и кинжалов: видимо, суровые эдикты императора, запрещавшие дуэли, касались лишь их использования.

Узколицый пожилой приказчик приблизился к посетительницам неслышными шагами.

– Чем могу служить вам, леди?

Он был любезен и предупредителен, и Корделия решила, что сюда, наверное, нередко заходят барраярские аристократки, желающие купить подарки своим родственникам-мужчинам. Но за любезным тоном чувствовалось презрительное высокомерие знатока перед профанами. Ну что ж, пусть поважничает...

– Мне нужна шпага-трость для мужчины выше среднего роста. Она должна быть... да, примерно вот такая. – Корделия, прикинув рост Куделки, поставила ладонь на уровень своего бедра. – Ножны лучше бы пружинные.

– Да, мадам.

Приказчик исчез и вскоре вернулся с деревянной тростью, покрытой причудливой резьбой.

– Пожалуй, слегка вычурная, – заметила Корделия. – Как она работает?

Раздался щелчок, и деревянные ножны соскочили, обнажив длинный тонкий клинок. Корделия протянула руку, и приказчик неохотно вручил ей шпагу для осмотра. Повертев ее так и эдак, Корделия передала опасную игрушку своей телохранительнице.

– Что скажете?

Друшикко было улыбнулась, потом с сомнением нахмурилась.

– Не очень хорошо сбалансирована. – Она неуверенно взглянула на приказчика.

– Не забывайте – вы служите мне, а не ему, – сказала Корделия, поняв, что причина колебаний – классовая солидарность девушки с простолюдином-продавцом.

– По-моему, это не лучший клинок.

– Это прекрасная даркойская работа, сударыня, – холодно возразил приказчик.

Корделия с улыбкой взяла шпагу.

– Проверим ваше утверждение.

Она вскинула шпагу вверх в традиционном приветствии и резким выпадом вонзила ее в стену, а затем налегла на эфес. Клинок сломался. Она невозмутимо вернула обломки приказчику.

– Не бойтесь разориться, если клиент будет убит, так и не успев сделать новую покупку? Надо полагать, «Синглинг» приобрел свою репутацию не продажей таких вот подделок. Принесите мне оружие для воина, а не сутенерское украшение.

– Сударыня, – чопорно произнес приказчик, – я вынужден настаивать, чтобы вы заплатили за испорченный товар.

Придя в крайнее раздражение, Корделия ответила:

– Прекрасно. Пришлите счет моему мужу – адмиралу Эйрелу Форкосигану, в резиденцию Форкосиганов. И не забудьте приложить объяснение, почему вы пытались сплавить эту пакость его жене.

Приказчик согнулся в поклоне.

– Примите мои глубочайшие извинения, миледи. Кажется, у меня есть нечто более подходящее – если сударыни согласятся немного подождать.

Он снова исчез. Корделия вздохнула.

– Насколько проще покупать у автоматов! Но по крайней мере ссылка на высокое родство здесь работает не хуже, чем на моей родине.

Следующий образец выглядел гораздо скромнее – никакой резьбы, лишь гладкое темное, тщательно отполированное дерево. С легким поклоном приказчик подал трость, не открывая.

– Нажмите ручку вот здесь, миледи.

Трость оказалась намного тяжелее предыдущей. Ножны отскочили стремительно, ударившись с грохотом о дальнюю стенку, – сами по себе почти оружие. Корделия снова посмотрела вдоль лезвия и залюбовалась переливами на солнце чуть заметного волнистого узора на стальной поверхности. Она поймала взгляд приказчика.

– С вас вычитают их стоимость?

– Действуйте, миледи! – В его глазах блеснул огонек. – Этот вам не сломать.

Корделия проверила этот клинок так же, как и предыдущий. Острие вошло в древесину гораздо глубже, но даже налегая на шпагу изо всей силы, она почти не согнула ее. У клинка явно оставался еще значительный запас прочности: чувствовалось, что до предела еще очень далеко. Она передала оружие Друшикко, и та любовно его осмотрела.

– Вот этот прекрасный, миледи. Этот – достойный.

– Я уверена, что использовать его будут в основном как трость, а не как шпагу. Тем не менее... он действительно должен быть достойным. Мы его возьмем.

Пока приказчик заворачивал покупку, Корделия задержалась у витрины с украшенными эмалью парализаторами.

– Думаете купить себе такой, миледи? – спросила Друшикко.

– Да нет, вряд ли. На Барраяре достаточно своих солдат, чтобы импортировать их с Колонии Бета. Зачем бы я сюда ни приехала, одно уж точно – не воевать. А вы себе тут что-нибудь присмотрели?

Друшикко покачала головой, и рука ее коснулась скрытой под плащом кобуры.

– Оружие из арсеналов капитана Негри – самое лучшее. Даже у «Синглинга» не найти более качественного – разве что отделка у него понаряднее.

* * *

За стол сели уже поздно вечером. Обедали втроем – Форкосиган, Корделия и лейтенант Куделка. Новый личный секретарь лорда-регента выглядел усталым.

– Чем вы занимались весь день? – спросила Корделия.

– Изображал овчарку и стогнял людей в стадо, – ответил Форкосиган. – Некоторые члены Совета еще не совсем определились, и мы с премьер-министром Форталой уламывали их в индивидуальном порядке. То, что ты увидишь завтра в зале заседаний, – это не барраярская политика, а ее результаты. А как прошел день у тебя?

– Отлично. Ездил за покупками. Вот посмотри. – Она вытащила трость-шпагу и содрала с нее обертку. – Чтобы ты не загнал вконец бедного Ку.

Лейтенант принял подарок со всеми подобающими изъявлениями благодарности, за которыми, однако, угадывалась затаенная обида. Но выражение его лица мгновенно изменилось, когда он ощутил тяжесть трости, чуть не выронив ее из рук.

– Да это же...

– Надо нажать вот здесь. Не направляйте ее... О-о... – Бах! – ...на окно.

Ножны ударились в переплет, скрикоштели и со стуком упали на пол. Оба офицера подскочили от неожиданности.

При виде клинка глаза лейтенанта восторженно вспыхнули. Выскользнув из-за стола, Корделия подобрала деревянный футляр.

– Ох, миледи! – начал Куделка, но уже в следующую секунду его радость погасла. Он осторожно вложил клинок в ножны и печально вернул ей трость. – Наверняка вы не знали. Я не фор. У меня нет права на личную шпагу.

– О-о! – расстроилась Корделия.

Форкосиган поднял бровь.

– Можно мне посмотреть? – Он взял трость-шпагу и снова освободил клинок – но более осторожно. – Гм. Я правильно понял: эту покупку оплатил я?

– Ну, наверное, заплатишь ты, когда придет счет. И еще одну я сломала, но думаю, что за нее мы платить не обязаны. А эту в крайнем случае можно вернуть обратно в магазин.

– Ясно. – Адмирал чуть заметно улыбнулся. – Лейтенант Куделка, как ваш командир и вассал императора Эзара Форбарры, я официально вручаю вам это мое оружие, чтобы вы носили его на службе императору, да правит он во веки веков.

Он с досадой поджал губы, осознав, что сейчас традиционная формула звучит как злая насмешка над умирающим, но тут же стряхнул с себя мрачное настроение и вручил трость Куделке, который снова расцвел.

– Спасибо вам, сэр!

Корделия только покачала головой:

– Наверное, я никогда не пойму эту планету.

– Пускай Ку подберет для тебя несколько официальных хроник. Но только не сегодня – у нас едва хватит времени, чтобы привести в порядок сегодняшние записи до того, как сюда явится Фортала с парой заблудших душ. Ты можешь устроиться в библиотеке, Ку. Мы встретимся там.

Обед закончился. Куделка ушел работать, а Форкосиган и Корделия отправились в расположенную рядом с библиотекой гостиную. Адмирал захватил диски с докладами и теперь быстро просматривал их на портативном считывателе. Корделия с помощью барраярско-бетанского разговорника занялась увесистым руководством по уходу за новорожденными. Тишину нарушало лишь бормотание Форкосигана:

– Ага! Так вот что он планировал на самом деле, ублюдок. – Или: – Черт, цифры какие-то странные. Надо проверить...

Иногда говорила Корделия:

– О Боже, неужели такое вытворяют все младенцы?

А из библиотеки то и дело доносился громкий стук, заставлявший супругов обмениваться улыбками.

– Надеюсь, – сказала Корделия после третьего или четвертого раза, – что я не слишком отвлекла Куделку от его обязанностей.

– Он справится, когда немного попривыкнет. Над ним взял шефство личный секретарь его величества – обучает, как организовать работу, и тому подобное. После того как Ку пройдет с ним церемонию похорон, он будет способен на что угодно. Между прочим, эта трость – просто гениальная идея. Спасибо тебе.

– Да, я заметила, что он угнетен своим увечьем. И решила, что это его немного успокоит.

– Дело в наших обычаях. Они... очень суровы к тому, кто не может шагнуть в ногу со всеми.

– Странно... Кстати, я только сейчас сообразила, что не помню, чтобы мне попадались на улицах люди с какими-нибудь дефектами. Ни инвалидных колясок, ни недоразвитых детей.

– Такого у нас не увидишь, – угрюмо пояснил Форкосиган. – Все отклонения, которые можно обнаружить, устраняются еще до рождения.

– Ну, мы это тоже делаем. Хотя чаще до зачатия.

– А также во время рождения. А в захолустье – после.

– О!

– А что до искалеченных взрослых...

– Боже правый, уж не практикуете ли вы тут эвтаназию?

– Твой мичман Дюбауэр не остался бы здесь в живых.

(Дюбауэр получил разряд нейробластера в голову и остался жив – если можно назвать жизнью растительное существование.)

– А что до калек вроде Куделки... Неприязнь к этим несчастным очень заметна. Понаблюдай за ним как-нибудь в большой группе людей, а не только среди друзей. Не случайно на Барраяре так высок уровень самоубийств среди комиссованных солдат.

– Какой кошмар!

– Когда-то я принимал это как должное. Сейчас... уже нет. Но многие по-прежнему относятся к этому именно так.

– А что бывает с такими, как Ботари?

– По-разному. Его-то можно отнести к тем, чье безумие полезно. А для бесполезных...

Он замолчал, уставившись в пол.

Корделия похолодела.

– Только мне начинает казаться, что я привыкаю к этой планете, как заворачиваю за угол и натываюсь на очередной кошмар.

– Прошло всего восемьдесят лет с тех пор, как Барраяр снова наладил контакт с галактической цивилизацией. В Период Изоляции мы потеряли не только технологию. Ее-то мы быстро навести, натянули, как чужое пальто. Но под ним мы еще местами чертовски голые. Прожив на свете сорок четыре года, я лишь теперь начинаю понимать, насколько голые.

Вскоре приехал граф Фортала со своими «заблудшими душами», и Форкосиган скрылся в библиотеке. А уже ближе к ночи прибыл из своего поместья старый граф Петер Форкосиган, чтобы присутствовать на завтрашнем заседании Совета.

– Ну, теперь Эйрелу обеспечен по крайней мере один голос, – пошутила Корделия, помогая свекру снять куртку.

– Ха! Пусть радуется, что я за него голосую. За последние несколько лет он нахватался каких-то странных радикальных взглядов. Не будь Эйрел моим сыном, черта с два я бы его поддержал, – проворчал граф, но его изборожденное морщинами лицо сияло гордостью.

Корделия изумленно моргнула, услышав такую характеристику политических взглядов Эйрела Форкосигана.

– Должна признаться, что мне он никогда не казался революционером.

– О, да он и сам этого не видит. Надеется, что всегда сумеет вовремя остановиться. А пройдет несколько лет, и он обнаружит, что оседлал тигра. – Граф мрачно покачал головой. – Ну ладно, девочка моя, сядем. И расскажи мне, как ты себя чувствуешь. Выглядишь ты хорошо. У тебя все в порядке?

Старый граф страстно интересовался развитием своего будущего внука, и Корделия чувствовала, что беременность повысила ее статус от терпимой причуды Эйрела до средоточия всех надежд и мечтаний старика. Устоять перед этим простодушным преклонением было невозможно. Она никогда не смеялась над свекром, но никаких иллюзий не питала.

В том, что Эйрел способен совершенно точно предсказать отцовскую реакцию, Корделия убедилась в первый же месяц их брака. В тот летний день она нашла мужа у лодочного причала, где он возился с яхтой. Разложив паруса, чтобы просушить их на солнце, адмирал хлюпал вокруг них мокрыми ботинками.

Он шагнул ей навстречу, не в силах скрыть волнения.

– Ну?

– Ну-у. – Она попыталась напустить на себя печальный и разочарованный вид, чтобы подразнить его, но невольно расплылась в улыбке. – Твой доктор сказал, что это мальчик.

– О-о... – У него вырвался долгий красноречивый вздох. Он подхватил ее на руки и закружил.

– Эйрел! Сумасшедший! Не урони меня!

– Никогда.

Он позволил ей соскользнуть на землю, и они поцеловались, а потом расхохотались.

– Мой отец будет в восторге.

– Похоже, ты и сам не очень-то огорчен.

– Да, но ты еще не видела, в какой экстаз впадает типичный барраярский отец семейства при известии о новой веточке его родословного древа. Отец, бедняга, уже столько лет страдал в убеждении, что наш род закончится на мне.

– И он простит мне то, что я инопланетная простолюдинка?

– Не хочу тебя обидеть, но думаю, что его совсем не интересовало, какую жену я приволоку домой, – лишь бы она могла родить. Думаешь, я преувеличиваю? – добавил он в ответ на ее смех. – Подожди, сама увидишь.

– Сейчас не слишком рано думать об имени? – с надеждой спросила Корделия.

– Тут и думать нечего. Первородный сын – на этот счет обычай строг. Его называют в честь обоих дедов. Первое имя – по отцовской линии, второе – по материнской.

– Так вот почему в вашей истории так трудно разбираться. Мне все время приходится ставить даты у этих повторяющихся имен, чтобы хоть как-то за ними уследить. Петер Майлз. Гм. Ну, наверное, я смогу к этому привыкнуть. Я думала... о другом.

– Может, в следующий раз?

– О! Какие планы!

Схватка продолжалась недолго. Корделия уже выяснила, что в определенном настроении муж боится щекотки сильнее, чем она. Она хорошенько ему отомстила, и бой кончился смехом – оба лежали на траве.

– Это чертовски несолидно, – пожаловался адмирал, когда она позволила ему встать.

– Боишься шокировать согладатаев капитана Негри?

– Их не шокируешь.

Корделия помахала рукой далекой лодке, но сидевший там человек упорно игнорировал ее жест. (Поначалу она страшно возмущалась, узнав, что Эйрел находится под постоянным надзором службы безопасности, но потом привыкла, сочтя, что это естественная плата за его участие в тайной и смертоносной политической игре, прикрытием для которой стала вся эскобарская война.)

– Может, нам пригласить его на ленч? У меня такое чувство, словно мы с ним старые знакомые – ведь они столько знают про нас с тобой...

Интересно, мелькнуло у нее в голове, записал ли человек Негри разговор, который они сейчас вели? Установлены ли прослушивающие устройства в их спальне?

– Он не сможет воспользоваться твоей любезностью, – усмехнулся адмирал. – Они не едят и не пьют ничего, кроме своего пайка.

– Господи, что за бред! Неужели это действительно необходимо?

– Иногда. У них опасная профессия. Я им не завидую.

– На мой взгляд, сидеть тут и наблюдать за тобой – недурной отпуск. Он, наверное, прекрасно загорел.

– Нет, ждать – это самое трудное. Он может просидеть так целый год, а потом вдруг от него потребуются пять минут активнейших действий, от которых зависят жизнь и смерть. И весь год им надо быть в постоянной готовности к этим пяти минутам. Ужасное напряжение. Поэтому сам я всегда предпочитаю атаку обороне.

– И все-таки я не понимаю, зачем кому-то может понадобиться тебя тревожить. Я хочу сказать – ты ведь всего-навсего отставной офицер, живешь в глуши. Таких опальных аристократов, как ты, должны быть сотни...

Форкосиган, не ответив, посмотрел в сторону далекой лодки, потом вдруг вскочил.

– Пошли. Сообщим радостную весть отцу.

Да, теперь Корделия все это понимала. Граф Петер подхватил ее под руку и увел в столовую, где принялся за еду, одновременно требуя от невестки подробного отчета о самочувствии и потчует ее свежайшими деликатесами, привезенными из поместья. Она послушно ела виноград.

Граф поужинал, и они под руку направились в холл. Проходя мимо закрытых дверей библиотеки, Корделия слышала громкие голоса. Слова разобрать ей не удалось, но тон был повышенный, и она остановилась, ощутив внезапный укол тревоги.

Спор в библиотеке оборвался, как будто собеседники разом исчерпали все свои аргументы. Тяжелая дверь распахнулась, и оттуда гордо вышел богато одетый мужчина. Через открытую дверь Корделия увидела мужа и графа Форталу. Адмирал был мрачнее тучи, а Фортала, высохший морщинистый человечек с покрытой пигментными пятнами лысиной, окруженной венчиком седых волос, кирпично покраснел от шеи до самой макушки.

Незнакомец решительным жестом подозвал ожидавших его ливрейных слуг, которые выстроились позади него с невозмутимыми лицами. На вид ему можно было дать лет сорок. Выпуклый лоб, упрямый подбородок, небольшие, аккуратно подстриженные усы – лицо энергичное, но вполне заурядное, не привлекающее внимания ни красотой, ни уродством. Однако сейчас все его черты были искажены гневом. Увидев в холле графа Петера, человек замедлил шаги и с явной неохотой вежливо кивнул в знак приветствия.

– Форкосиган, – хрипло произнес он.

Старик в ответ чуть склонил голову набок, подняв брови.

– Фордариан.

В его тоне слышался вопрос.

Кулаки Фордариана бессознательно сжимались и разжимались в такт ходившим по скулам желвакам.

– Попомните мои слова, – отчеканил он, – вы, я и все достойные люди Барраяра еще пожалеют о том, что произойдет завтра.

Граф нахмурился, но в его глазах мелькнуло беспокойство.

– Мой сын никогда не предаст дворянство, Фордариан.

– Вы себя обманываете.

Его взгляд задержался на Корделии, хотя и не настолько, чтобы это можно было счесть оскорбительным. С видимым усилием принудив себя к прощальному поклону, Фордариан стремительно удалился вместе со своей свитой.

Премьер-министр с регентом вышли из библиотеки. Форкосиган-младший прошел в холл и мрачно уставился в темноту за узорчатыми окнами. Фортала успокаивающе положил руку ему на плечо.

– Пусть уходит, – произнес он. – Обойдемся без его голоса.

– Я и не собирался бежать за ним, – огрызнулся адмирал. – Тем не менее... В следующий раз поберегите свое остроумие для тех, у кого хватает ума по достоинству оценить его, ладно?

– Что это за тип? – небрежно спросила Корделия, стараясь рассеять тягостное впечатление.

– Граф Вейдл Фордариан, – с вынужденной усмешкой отозвался адмирал. – Коммодор граф Фордариан. Я иногда сталкивался с ним по службе, еще в штабе. Сейчас он возглавляет вторую по консервативности партию Барраяра. Не тех полоумных ретроградов, которые пытаются повернуть историю вспять, а вполне нормальных людей, просто полагающих, что Барраяр – не место для социальных экспериментов.

Он украдкой взглянул на отца.

– Имя Фордариана упоминалось при обсуждении кандидатур в регенты, – заметил Фортала. – Боюсь, он и сам метил на этот пост. Очень старался наладить отношения с Карин.

– Ему следовало бы налаживать отношения с Эзаром, – сухо сказал Эйрел. – Надеюсь, за ночь он придет в себя. Попробуйте снова поговорить с ним утром – и на этот раз помягче, ладно?

– Беречь самолюбие Фордариана – чертовски изнурительное занятие, – проворчал Фортала. – Он проводит слишком много времени за созерцанием своей родословной.

Адмирал поморщился, соглашаясь.

– Он не исключение.

– А послушать его – так не скажешь, – заключил премьер-министр.

Глава 3

На заседании Объединенного Совета у Корделии был официальный сопровождающий – капитан лорд Падма Ксав Форпатрил, не только подчиненный, но и двоюродный брат ее мужа, сын давно умершей младшей сестры матери Эйрела. Лорд Форпатрил стал первым – после свекра – близким родственником Эйрела, с которым познакомилась Корделия. Причиной тому было вовсе не аристократическое чванство новой родни, чего вполне можно было ожидать, а гражданские войны. Эйрел с Ксавом были единственными уцелевшими детьми предыдущего поколения своих семей, поколения, представленного теперь одним только графом Петером. Форпатрил, рослый, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти, выглядел очень представительно в своем парадном зеленом мундире. Нрава он был веселого и общительного, и Корделия сразу прониклась к нему симпатией, особенно когда узнала, что он служил младшим офицером на корабле Форкосигана – еще до высадки на Комарре и ее трагических последствий.

Корделия расположилась на затейливо украшенной галерее, откуда хорошо просматривался весь зал Совета. Слева от нее уселся Форпатрил, справа – Друшикко. Убранство зала было на удивление строгим, если не считать деревянной обшивки стен, что бетанка Корделия по-прежнему воспринимала как сказочную роскошь. Вдоль стен стояли деревянные столы со скамьями. Сквозь витражные окна под самым потолком лились лучи утреннего солнца. Внизу неспешно разворачивалось удивительное по красоте и слаженности действо, будто сцена из исторического фильма.

Министры были одеты в архаичные пурпурно-черные мантии, на фоне которых ярко выделялись золотые цепи – символы их должности. На дубовых скамьях, все в алых мантиях с серебряным шитьем, разместились шестьдесят графов-землевладельцев, по одному от каждого округа. Кое-где среди них виднелись одетые в красные с синим парадные мундиры более молодые аристократы, состоящие на действительной службе. Форкосиган находил эту форму излишне пестрой, но сейчас, под сводами старинного зала, пронизанного разноцветными лучами солнца, яркие краски казались вполне уместными. «Эйрелу так идет дворцовый мундир», – подумала Корделия.

Грегор и его мать восседали на троне, поставленном на возвышении у дальней стены. На принцессе было закрытое черное, расшитое серебром платье с длинным рукавом. Маленький принц походил на темноволосого эльфа в красно-синем мундирчике. Корделия отметила, что для своего возраста ребенок ведет себя поразительно спокойно.

Здесь присутствовал и старый император – на экране головидео. Для этого случая Эзар надел парадный мундир, и Корделия содрогнулась, представив, скольких страданий ему это стоило. Трубки и провода, опутывавшие тело императора, были скрыты. Лицо Эзара Форбарры было мертвенно-бледным, кожа казалась почти прозрачной, он словно на самом деле медленно уходил из жизни – прямо на глазах у всех тех, кем так долго повелевал.

Галерея была забита женами графов, их слугами и охранниками. Женщины сияли элегантными нарядами и драгоценностями. С интересом их рассмотрев, Корделия засыпала капитана Форпатрила вопросами.

– Вас не удивило, что Эйрела назначили регентом? – спросила она.

– Не слишком. Может, кто-то и принял всерьез его отставку после Эскобара – но только не я.

– А я думала, что он и в самом деле решил уйти на покой.

– О,нисколько не сомневаюсь. Первый, кого Эйрел вводит в заблуждение своими попытками удержаться в образе простого солдафона, – это он сам. Наверное, ему всегда хотелось быть именно таким. Похожим на отца.

– Гм. Да, я тоже заметила, что в разговоре он то и дело сбивается на политику. И непременно в самый неподходящий момент. Например, когда делал мне предложение.

Форпатрил рассмеялся.

– Могу себе представить! В молодости он был консервативен – ярый поклонник традиций: если требовалось узнать мнение Эйрела по любому вопросу, достаточно было спросить графа Петера, а затем усилить. Но ко времени нашей совместной службы он уже начал... э-э... менять свои взгляды. Если нам удавалось его завести...

Глаза Форпатрила заискрились от какого-то озорного воспоминания, и Корделия поспешила его раззадорить:

– А как вам это удавалось? Его завести? Я считала, что офицерам запрещено рассуждать о политике.

Капитан фыркнул.

– С тем же успехом можно запретить дышать. Скажем так: правило существует, но оно проводится в жизнь время от времени. Однако Эйрел всегда свято его придерживался – до тех пор, пока мы с Ральфом Форхаласом не вытаскивали его куда-нибудь, где он мог хорошенько расслабиться.

– Эйрел? Расслабиться?

– О да. Его попойки вошли в пословицу...

– А мне казалось, что пить он не умеет. Слабая голова.

– Именно этим он и славился. Он ведь редко пил. Хотя в его жизни был тяжкий период после смерти его первой жены. Он тогда якшался с Джесом Форратьером... хм, хм... – Форпатрил искоса посмотрел на Корделию и решил уйти от опасной темы: – В общем, стоило ему чересчур набраться, как он становился мрачным и глубокомысленным и начинал резать правду-матку по поводу несправедливости или идиотизма властей. Господи, ну и говорил же он! Как раз перед пятой рюмкой, перед тем как свалиться под стол, он, бывало, пятистопным ямбом провозглашал неизбежность революции. Я уже тогда был уверен, что рано или поздно он займется политикой.

И капитан рассмеялся, с любовью глядя на коренастую фигуру в красно-синем мундире, сидевшую с графами у дальней стены зала.

Результаты голосования очень удивили Корделию – она никак не ожидала, что семьдесят пять барраярцев смогут договориться о чем-либо – даже относительно того, откуда по утрам встает их солнце. Тем не менее голоса почти единодушно были отданы избраннику императора Эзара. Исключение составили пятеро упрямцев, которые предпочли воздержаться: четверо громко, один – так тихо, что лорд-спикер был вынужден просить его повторить свой ответ. Даже граф Фордариан проголосовал «за»: по-видимому, Фортале все-таки удалось загладить вчерашний разрыв. Столь удачный дебют показался Корделии несомненным признаком того, что и в будущем все сложится благополучно, и она поспешила поделиться своими впечатлениями с лордом Форпатрилом.

– Э-э... Да, миледи, – отозвался тот, как-то двусмысленно улыбаясь. – Император Эзар дал понять всем присутствующим, что требует решения, принятого абсолютным большинством голосов.

К своей досаде, Корделия убедилась, что опять прозевала нечто важное.

– Вы хотите сказать, что кто-то из этих людей предпочел бы проголосовать против?

– В данный момент это было бы с их стороны весьма опрометчивым поступком.

– Тогда те, кто воздержался... должны обладать немалым мужеством. – Она с удвоенным интересом взглядела в кучку высокородных диссидентов.

– Ну, их-то бояться нечего, – сказал Форпатрил.

– И все-таки это оппозиция...

– Да, но оппозиция открытая. Тот, кто готовит предательство, не станет так явно себя обнаруживать. Удара в спину Эйрелу надо опасаться от других – от кого-то из тех, кто сказал «да».

– От кого же? – с тревогой нахмурилась Корделия.

– Кто может знать? – пожал плечами лорд Форпатрил и тут же ответил на собственный вопрос: – Разве что Негри.

Места вокруг них пустовали, и Корделия уже заподозрила, что это – одно из проявлений неусыпных забот службы безопасности. Но, видимо, дело объяснялось обычной вежливостью: двое опоздавших – мужчина с нашивками командера и второй, помоложе, в роскошном гражданском наряде, – извинившись, уселись перед ними. Корделия подумала, что они похожи на братьев, и догадка ее вскоре подтвердилась. Тот, что помоложе, сказал:

– Смотри, вон отец, через два ряда от старого Форталы. А который – новый регент?

– Вон тот кривоногий тип в красно-синем, который сейчас садится справа от Форталы.

Корделия и Форпатрил обменялись взглядами. Она быстро прижала палец к губам; Форпатрил с ухмылкой пожал плечами.

– А что говорят о нем военные? – продолжал молодой.

– Смотря кого спросишь, – ответил командер. – Сарди считает его гениальным стратегом и захлеб пересказывает всем его биографию. Действительно впечатляет – где он только не побывал! За последние двадцать пять лет без Форкосигана не обходилась ни одна заварушка. Дядя Ральф его очень ценил. С другой стороны, Нильс, воевавший у Эскобара, говорит, что ему не доводилось видеть более хладнокровного подонка.

– Я слышал, будто у него репутация тайного прогрессиста.

– Никакой тайны в этом нет. Иные генералы из форов боятся его как огня. Он пытался перетянуть на свою сторону отца, чтобы с помощью его и Форталы провести новый закон о налогообложении.

– Ха! Однако по нему это не ударит, верно? Форкосиганы дьявольски бедны. Пусть Комарра платит. Мы ведь для этого ее завоевали, разве не так?

– Не совсем так, мой дорогой невежда-братец. Да, кстати – никто из твоих друзей-лоботрясов еще не встречал его бетанскую бабу?

– Ты хочешь сказать – никто из светских людей, – поправил его брат. – Не путай с вами, армейскими муравьями.

– О, нас перепутать невозможно. Так не встречали? О ней, Форкосигане и Форратьере ходят всякие невероятные слухи – по большей части самые противоречивые. Я думал – может, мать что-нибудь про нее знает.

– Говорят, она держится в тени, насколько это возможно при ее известности. Ее почти никто не видел. Может, она уродина.

– В таком случае они составят неплохую пару – Форкосиган тоже не красавец.

Корделия от души развлекалась, пока командер не сказал:

– Интересно, кто этот трехногий паралитик, которого он повсюду таскает за собой. Наверное, один из его штабных лизоблюдов.

– Ты про мутанта с палкой? Ну и образина! Став регентом, Форкосиган мог бы выбрать себе и кого-нибудь получше.

Корделию словно током ударило – такую боль причинили ей эти небрежно брошенные слова. Капитан Форпатрил не обратил на них внимания – он был всецело поглощен тем, что происходило внизу, в зале. А вот Друшикко, к удивлению Корделии, покраснела и отвернулась.

Корделия подалась вперед и отчеканила самым холодным и язвительным тоном, на какой была способна:

– Командер! И вы, как вас там? – Братья обернулись, удивленные внезапным вторжением в их беседу. – К вашему сведению: джентльмен, о котором вы позволили себе так

неучтиво говорить, – это лейтенант Куделка. И лучших офицеров не существует. Ни в какой армии.

Они уставились на нее, раздраженные и недоумевающие.

– Мне кажется, это был частный разговор, сударыня, – чопорно проговорил командер.

– Да, конечно, – отрезала она, все еще кипя возмущением. – И я приношу извинения за то, что вас подслушала, хотя это и получилось совершенно случайно. Но за постыдные слова относительно секретаря адмирала Форкосигана извиниться должны вы. Они порочат мундир, который носите вы оба, и императорскую службу, на которой вы состоите.

Она говорила негромко, почти шепотом. Ее била дрожь. «Многовато для меня Барраяра. Надо взять себя в руки».

Их перепалка наконец привлекла внимание изумленного Форпатрила.

– Ну-ну, миледи, – запротестовал он. – Успокойтесь, прошу вас... К чему это...

Коммандер повернулся к нему.

– О, капитан Форпатрил, сэр! Я не сразу вас узнал. Э-э... – Он повел рукой в сторону своей рыжеволосой противницы, словно спрашивая: «Эта женщина с вами? А если да, то почему вы не держите ее в узде?» И холодно прибавил: – Мы незнакомы, сударыня.

– Да, потому что у меня нет привычки заглядывать в каждую нору и любопытствовать, какая нечисть там прячется, – выпалила Корделия и тут же поняла, что зашла слишком далеко. Эйрелу сейчас не хватает только новых врагов...

– Коммандер, вы не знаете, с кем... – начал Форпатрил, вспомнив о своих обязанностях сопровождающего.

– Не надо нас знакомить, лорд Форпатрил, – оборвала его Корделия. – Мы только поставим друг друга в еще более неловкое положение.

Сжав пальцами переносицу, она закрыла глаза и постаралась найти подходящие фразы. «А я-то гордилась, что умею держать себя в руках».

– Коммандер, милорд. – Она определила титул второго молодого человека, основываясь на его упоминании об отце, сидящем среди графов. – Мои слова были необдуманными и невежливыми, и я беру их обратно. Я не имела права комментировать частный разговор. Приношу извинения. Самые искренние.

– Так-то лучше, – процедил молодой лорд.

Его брат, лучше владевший собой, ответил:

– Я принимаю ваши извинения, сударыня. Полагаю, этот лейтенант – ваш родственник. И прошу простить за оскорбление, которое вы усмотрели в наших словах.

– Я тоже принимаю ваше извинение, командер. Хотя лейтенант Куделка мне не родня, а всего лишь второй любимый... враг. – Она замолчала, и их глаза встретились; в ее взгляде сквозила ирония, в его – недоумение. – И я хочу попросить вас об одолжении. Умоляю вас, сэр, воздержитесь в будущем от подобных замечаний в присутствии адмирала Форкосигана. Куделка был одним из его офицеров на борту «Генерала Форкрафта». Он получил ранение, защищая своего командира во время прошлогоднего мятежа. Лорд-регент любит его, как сына.

Коммандер чуть улыбнулся:

– Вы хотите сказать, что меня пошлют охранять остров Кайрил?

«Что еще за остров Кайрил? Судя по всему, местечко не из приятных...»

– Не думаю... Лорд-регент не станет пользоваться своей властью, чтобы отомстить за личную обиду. Но это причинило бы ему ненужную боль.

– Сударыня... – Теперь он был окончательно сбит с толку.

Кто она такая – эта скромная женщина, так неуместно выглядящая среди разряженной публики на галерее? Братья снова повернулись, чтобы наблюдать за церемонией внизу. Минут на двадцать воцарилось напряженное молчание, затем лорд-спикер объявил перерыв.

Когда Корделия отыскивала Форкосигана, тот беседовал о чем-то с графом Петером и еще одним стариком в серебряно-алой мантии. Лорд Форпатрил, доставив свою подопечную, мгновенно испарился, а муж встретил ее усталой улыбкой.

– Милый капитан, ты держишься? Я хочу познакомить тебя с графом Форхаласом. Адмирал Ральф Форхалас был его младшим братом. Нам скоро надо будет уйти – мы приглашены на обед принцессой Карин и принцем Грегором.

Граф Форхалас склонился к ее руке.

– Миледи, это большая честь для меня.

– Граф. Я... видела вашего брата всего несколько секунд. Но адмирал Форхалас произвел на меня впечатление достойнейшего человека. – «Но моя страна все равно разнесла его в пыль».

– Благодарю вас, миледи. Так считали все, кто его знал... А, вот и мои мальчишки. Я обещал, что познакомлю их с вами. Ивон мечтает получить место в штабе, но я сказал ему – пусть не надеется на протекцию. Хотел бы я, чтобы Карл так же интересовался службой. О! Моя дочь с ума сойдет от зависти, когда услышит, что ее братья представлены супруге регента. Знаете, миледи, вы переполошили всех наших девушек.

Граф отошел, чтобы позвать сыновей. «О Боже! – подумала Корделия. – И надо же, чтобы это оказались именно они!»

Те самые двое молодых людей, которые только что сидели перед ней на галерее... Оба побледили и поспешно склонились к ее руке.

– Но ведь вы уже познакомились, – сказал Форкосиган. – Я видел, как вы разговаривали там, наверху. Что вы так горячо обсуждали, а, Корделия?

– О... Геологию. Зоологию. Воспитание. Мы много говорили о воспитании. У нас получился очень любопытный разговор. И, по-моему, мы все друг друга кое-чему научили.

Она безмятежно улыбнулась.

Коммандер Ивон Форхалас, чья бледность приобрела легкий зеленоватый оттенок, проговорил:

– Да. Я... получил урок, который никогда не забуду, миледи.

Форкосиган продолжил церемонию знакомства:

– Коммандер Форхалас, лорд Карл – лейтенант Куделка.

Куделка, нагруженный пластиковыми копиями документов, дисками, жезлом главнокомандующего (сию регалию Форкосиган только что получил в качестве избранного регента) и своей тростью, никак не мог решить, что ему делать: подавать руку или отдавать честь. От растерянности он выронил свою ношу, и все поспешно бросились поднимать рассыпавшиеся предметы. Куделка покраснел, неловко нагибаясь. Они с Друшикко одновременно протянули руки к трости.

– Мне не требуется ваша помощь, мисс, – прошипел Куделка, и девушка, отпрянув от неожиданности, заняла свое место возле Корделии.

Коммандер Форхалас вручил ему несколько дисков.

– Извините, сэр, – сказал Куделка. – Спасибо.

– Не стоит, лейтенант. Один раз я сам чуть не попал под нейробластер. Перепугался до чертиков. Вы – пример для всех нас.

– Это... было не больно, сэр.

Корделия, по личному опыту зная, что это – очень даже больно, промолчала. Но когда все начали расходиться по своим делам, она задержалась перед Ивоном Форхаласом.

– Приятно было познакомиться с вами, коммандер. По-моему, вы далеко пойдете – и не в направлении острова Кайрил.

Молодой барраярец напряженно улыбнулся.

– Мне кажется, вы тоже далеко пойдете, миледи.

Они обменялись уважительными кивками. Затем Корделия взяла под руку мужа, и они зашагали навстречу новой жизни и новым обязанностям. Следом за ними двинулись Куделка и Друшикко.

Несколько дней спустя император Барраяра впал в кому. А еще через неделю, ночью, дворцовый курьер разбудил регента давно ожидаемой вестью:

– Сэр, доктору кажется, что срок настал.

Корделия и Форкосиган, поспешно одевшись, вместе с курьером прибыли во дворец, в прекрасные покои, которые Эзар избрал для последних месяцев своей жизни. Музейная роскошь обстановки являла разительный контраст с нагромождением инопланетной медицинской аппаратуры.

Здесь уже собралось много народу: личные врачи императора, премьер-министр Фортала, граф Петер Форкосиган, принцесса с наследником, несколько министров, кое-кто из главного штаба... Все в глубоком молчании несли последнюю вахту, пока наконец остатки жизни не покинули иссохшее старческое тело, неподвижно лежавшее на огромной кровати. Что за чудовищная идея, подумала Корделия, – делать ребенка свидетелем подобной сцены... Впрочем, она тут же сообразила, что дело здесь не в чьей-либо прихоти, а в требованиях дворцового этикета. Поочередно, начиная с Форкосигана, все присутствующие подходили к Грегору и на коленях произносили текст вассальной присяги, вкладывая руки в ладошки нового повелителя.

Форкосиган подвел к нему и Корделию. У принца – теперь уже императора – были волосы матери, но глаза светло-карие, как у Эзара и Зерга, и Корделия невольно задалась вопросом – в какой пропорции перемешаны в нем душевные качества отца и деда? «Сидит ли в твоих генах родовое проклятие, малыш?» – мысленно спрашивала она, вкладывая свои пальцы в его ладони. Впрочем, благословен он или проклят, все равно она даст ему эту клятву. Слова присяги, казалось, разрывают последнюю нить, связывавшую ее с Колонией Бета. Эта нить лопнула с легким звоном, слышимым только ей самой. «Теперь я принадлежу Барраяру».

То было долгое и странное путешествие, начавшееся на чужой планете в тот миг, когда капитан Корделия Нейсмит, придя в сознание на берегу ручья, увидела перед своим лицом заляпанные грязью высокие шнурованные ботинки, – и закончившееся в этих чистых детских ручонках. «Знаешь ли ты, малыш, что я помогла убить твоего отца? Скажут ли тебе об этом когда-нибудь? Надеюсь, что нет». Она гадала, почему ее в свое время не заставили принести присягу императору Эзару – по недосмотру или из деликатности?

Из всех присутствовавших плакал только капитан Негри. Корделия стояла рядом с ним, в самом темном углу, и видела, как шеф барраярской разведки пару раз вытер щеку тыльной стороной ладони. На какое-то мгновение лицо его покраснело и сморщилось, но когда Негри шагнул вперед для присяги, к нему уже вернулась обычная ледяная выдержка.

Следующие пять дней, занятые погребальными церемониями, совершенно вымотали Корделию. Однако ей дали понять, что этому трауру далеко до того, который последовал за гибелью кронпринца Зерга: тот продолжался две недели, несмотря на отсутствие тела. Официальная версия гласила, что принц пал геройской смертью на поле битвы. По подсчетам Корделии, только пять человек знали правду. Нет, четыре – ведь Эзара не стало. Наверное, могила – самое надежное хранилище для тайн покойного императора. Ну что ж, теперь мучения старика закончились, и его эпоха может отойти в прошлое вместе с ним.

Коронацию мальчика-императора решили пока не проводить: вместо этого ему в течение нескольких дней присягали министры, графы, лорды и все те бесчисленные сановники, которым не выпала честь присутствовать при последних минутах Эзара. Четырехлетний малыш стойко выдерживал утомительные церемонии. Карин следила за тем, чтобы государственные мужи, спешившие исполнить свой долг, ежечасно давали Грегору передышку. Корделию же

несказанно удивляла странная система правления Барраяра, основанная не на конституции, а на личной преданности и традициях. Но самое поразительное – система работала. Вернее – ее заставляли работать. Королей играет свита. Да и любое другое правительство – это по сути своей такое вот совместное лицедейство.

Церемонии отшумели, и Корделия начала налаживать семейный быт в своем новом доме. Дел у нее было не слишком много. Как правило, Форкосиган в сопровождении Куделки уезжал еще на рассвете и возвращался с темнотой, чтобы наскоро перекусить и засесть в библиотеке, где он принимал посетителей или работал до самого отхода ко сну. Корделия убеждала себя, что поначалу такая загруженность неизбежна. Постепенно Эйрел привыкнет, научится управлять, и его рабочий день нормализуется. Она вспомнила, как впервые приняла командование кораблем в Бетанской астроэкспедиции и несколько месяцев подряд изнывала от страха, боясь допустить какую-нибудь гибельную промашку. А потом необходимые действия стали автоматическими, еще позже – почти бессознательными, и у нее снова появилась личная жизнь. У Эйрела тоже так будет. Она терпеливо ждала, а когда ей удавалось увидеть мужа – улыбалась.

У нее тоже было свое дело. И делу этому придавалось огромное значение, судя по тому, как ее баловали все окружающие, начиная с графа Петера и кончая поварихой, таскавшей ей всевозможные лакомства в любое время дня и ночи. Так с ней не носились даже на родине, когда она вернулась из годичной исследовательской экспедиции, прошедшей без сучка без задоринки. Приходилось признать, что к воспроизводству населения на Барраяре относятся с гораздо большим энтузиазмом, чем в Колонии Бета.

Однажды днем, после ленча, она лежала на кушетке, вынесенной на тенистую веранду за домом, и размышляла о несходстве детородных обычаев на Барраяре и в Колонии Бета. Здесь был до сих пор неизвестен способ выращивания плода в маточном репликаторе – искусственном чреве. А в Колонии Бета репликаторы предпочитали три четверти всех семей; лишь незначительное меньшинство придерживалось старомодного естественного способа, убежденное в его психосоциальных преимуществах. Впрочем, Корделия никогда не замечала никакой разницы между младенцами из пробирки и из материнской утробы – и уж наверняка любые различия исчезали к двадцати двум годам – бетанскому совершеннолетию. Ее брата вынашивала мать, но сама она росла в репликаторе. А вот семейная партнерша ее брата оба раза сочла нужным сама выносить ребенка и немало этим похвалялась.

Корделия всегда думала, что, когда настанет ее черед, она воспользуется услугами репликаторного банка, а сама улетит в очередную экспедицию – чтобы, вернувшись, взять на руки своего уже вполне сформировавшегося ребенка. Если, конечно, она вернется: ведь при исследовании неведомых планет всегда есть шанс войти в списки пропавших без вести. Но прежде всего, конечно, требовалось залучить подходящего партнера, готового подвергнуться нудной процедуре проверок физического и психологического здоровья (а также финансовой самостоятельности) и сдать экзамены на получение родительской лицензии.

Корделия была уверена, что Эйрел окажется великолепным семейным партнером, если только сможет одолеть поток свалившихся на него дел. Главное – чтобы он выдержал первый, самый трудный период, не сорвался и не сломался. Падение с такой высоты всегда смертельно опасно, и если Эйрел упадет... Она решительно приказала себе оставить мрачные мысли.

Уж лучше думать о радостях семейной жизни – ведь Барраяр в этом отношении просто сказочная страна. Здесь не существует государственного контроля за рождаемостью, не требуется зарабатывать никаких сертификатов, не надо ограничиваться тремя чадами... Вообще никаких правил. Она видела на улице женщину даже не с тремя, а с четырьмя детьми, и это никого не удивляло – на нее никто не оборачивался. После этого Корделия увеличила свое воображаемое потомство с двоих детей до трех – и несколько дней чувствовала себя достигшей вершины блаженства, пока ей не повстречалась женщина с десятью малышами. Не завести ли

им четверых? Форкосиган может себе это позволить... Она поджала под себя ноги и поуютнее зарылась в подушки, отдавшись приступу восхитительной, звериной тяги к воспроизведению себя и Эйрела в детях.

Муж заверил ее, что экономика Барраяра таит массу неиспользованных возможностей, несмотря на ущерб, нанесенный последней войной. Тетраформирование второго континента с каждым днем открывает все новые горизонты, а уж когда начнется колонизация новой планеты, Зергияра!.. Рабочих рук везде не хватает, заработная плата растет. Барраяр считает себя недонаселенным. Форкосиган говорил, что для политика такая экономическая ситуация – просто дар Божий, и Корделия с ним соглашалась, но по сугубо личным, тайным соображениям: будет чем заняться ораве маленьких форкосиганчиков...

Она может родить дочь. И даже не одну, а двух – двух сестер! У Корделии никогда не было сестры. А вот у жены капитана Форпатрила есть, она сама сказала...

Корделия познакомилась с леди Форпатрил на одном из редких полуофициальных приемов в резиденции Форкосиганов. Все подготовила прислуга, и единственное, что требовалось от Корделии, – это выйти к гостям в соответствующем наряде (его все-таки пришлось купить), побольше улыбаться и не открывать рта. Она покорила, понимая, что надо скорее осваивать хитрую науку Как-Здесь-Принято-Себя-Вести.

Элис Форпатрил тоже была в интересном положении. Лорд Форпатрил представил дам друг дружке и моментально ретировался. Впрочем, двум будущим матерям не пришлось искать тему для беседы. Леди Форпатрил жаловалась на постоянное недомогание, и Корделия пришла к выводу, что ей крупно повезло: бетанское средство против тошноты действовало прекрасно, и она могла посетовать лишь на быструю утомляемость – не из-за веса пока еще крошечного ребенка, а от возросшей нагрузки на метаболизм.

Она решила, что не стоит заранее переживать из-за возможных трудностей, о которых ей драматическим шепотом поведала леди Элис, – из-за всех этих спазмов, травм, кровотечений и прочих напастей, подстерегающих молодую мать. Осложнения могут стать опасными, только если в момент родов окажешься одна – а такое маловероятно, когда тебя днем и ночью окружают целые толпы охранников. Ну а уж в самом крайнем случае придется препоручить обязанности повитухи сержанту Ботари. Тут Корделия почувствовала, что фантазия заводит ее слишком далеко, и беспокойно заворочалась на кушетке. Ох уж эта барраярская медицина! Конечно, женщины рожают уже сотни тысяч лет, и делали это даже до эпохи космических перелетов, причем порой и в куда худших условиях. «Может, для родов мне следовало бы вернуться домой?»

Нет. Теперь она принадлежит Барраяру, она дала клятву, как и все здешние безумцы. Путь домой долг – и к тому же, насколько ей известно, там все еще не отменен ордер на ее арест: она обвиняется в дезертирстве, шпионаже, мошенничестве, асоциальном насилии... Да, не следовало ей макать головой в аквариум ту идиотку-врачиху из психиатрической службы. Корделия мысленно вздохнула, припомнив лихорадочную спешку своего отлета на Барраяр. Интересно, реабилитируют ли ее когда-нибудь на Колонии Бета? Наверняка нет, во всяком случае, до тех пор, пока тайны Эзара прячутся только в четырех черепных коробках.

Ничего не поделаешь – Колония Бета для нее закрыта, родина изгнала ее. Как видно, политический идиотизм – не монополия Барраяра. «Но все-таки мы справимся с Барраяром. Эйрел и я – мы сумеем его изменить».

Пора идти в дом. От солнца у нее немного разболелась голова.

Глава 4

Вопреки собственным ожиданиям Корделия без особого труда свыкла с обилием охраны в резиденции лорда-регента. Ее опыт работы в Бетанской астроэкспедиции, как и военный опыт Форкосигана, приучили их к жизни в тесном контакте со множеством людей. Охранники в большинстве своем были жизнерадостными молодыми парнями, специально отобранными для этой работы, чем они весьма гордились. Но вот когда в городскую резиденцию наезжал граф Петер со своей ливрейной свитой, ощущение казармы становилось почти невыносимым.

Именно граф предложил проводить неформальные состязания по рукопашному бою между людьми командера Иллиана и своими собственными. Несмотря на возражения начальника охраны, в саду за домом соорудили помост, и состязания стали еженедельными. К участию в них привлекли даже Куделку – в качестве рефери, а граф Петер и Корделия быстро сделались завзятыми болельщиками. Форкосиган, когда ему позволяло время, тоже приходил посмотреть, и Корделия была этим очень довольна: она полагала, что мужу просто необходим отдых от выматывающей рутины государственной службы.

Как-то солнечным осенним утром она устроилась на мягком диванчике вблизи «ринга» и приготовилась наблюдать за очередными выступлениями. Телохранительница, как всегда, встала у нее за спиной.

– А ты почему не участвуешь, Дру? – спросила Корделия. – Тебе ведь тоже требуется практика, и не меньше, чем им. Да и затевалось все это именно под предлогом поддержания хорошей спортивной формы – конечно, если предположить, что барраярцам нужен какой-то предлог для драки.

– Меня не пригласили, сударыня, – ответила Друшикко, с тоской посмотрев на помост.

– Это чей-то возмутительный недосмотр. Гм. Вот что: ступай-ка переоденься. Ты станешь моей командой. Эйрел сегодня пусть сам болеет за своих. И вообще я уже заметила, что для истинно барраярского поединка требуется по крайней мере трое участников – такая тут традиция.

– Вы думаете, стоит это сделать? – засомневалась девушка. – Остальным это может не понравиться. – Корделия поняла, что под «остальными» подразумеваются все представители сильной половины человечества.

– Эйрел возражать не будет. А если кто-то сочтет себя обиженным, пусть спорит с ним. Если посмеет, конечно.

Друшикко радостно улыбнулась и убежала переодеваться.

Вскоре пришел адмирал. Когда он расположился рядом, Корделия сообщила ему о своей идее. Форкосиган скептически приподнял бровь.

– Бетанские нововведения? Хотя – почему бы и нет? Но приготовься к тому, что над тобой станут подшучивать.

– Я готова. Однако им будет не до смеха, если она размажет кого-нибудь по помосту. По-моему, ей такое вполне под силу: родись эта девушка на Колонии Бета, она уже была бы офицером спецназа. А если она не справится... Ну, тогда ей нечего делать в моей охране, не правда ли?

– Ясно... Я скажу, чтобы Куделка в первой схватке выставил против нее кого-нибудь помельче. По сравнению с мужчинами она кажется довольно хрупкой.

– Она крупнее тебя, – ввернула Корделия.

– Ростом. Думаю, я немного потяжелее. Ну что же, твое желание для меня закон. – Он поднялся и зашагал к Куделке, чтобы тот внес Друшикко в список участников.

Расслышать их разговор Корделия не могла, но постаралась воссоздать его по мимике и жестам. Это было так увлекательно, что она принялась бормотать вслух:

– Эйрел: «Корделия хочет, чтобы Дру участвовала в спаррингах». Ку: «Это не по правилам». Эйрел: «Ничего, проглотят». Ку: «Рукопашный бой – не женское дело, сэр. Чего доброго, она еще расплатится, когда сержант Ботари ее расплющит». Гм, хотела бы я надеяться, что ты именно это имел в виду, Ку, в противном случае разговор перешел на непристойности... Форкосиган, брось ухмыляться. Так, вот он опять заговорил: «Женушка настаивает. Ты же знаешь, какой я подкаблучник». Ку: «Ну ладно». Ух. Переговоры закончены, и дальнейшее зависит только от Дру.

Форкосиган подошел к жене.

– Все в порядке. Для начала она выступит против одного из отцовских оруженосцев.

Вернулась Друшикко, сменившая платье на свободные брюки и трикотажную рубашку. В это время из дома вышел граф Петер; он перекинулся несколькими словами с сержантом Ботари, капитаном своей команды, и занял место на солнышке, неподалеку от сына с невесткой.

– А это еще что? – возмутился он, когда для второй схватки Куделка вызвал Друшикко. – Вводим бетанские обычаи?

– У этой девушки отличные природные данные, – объяснил Форкосиган. – И тренировки ей нужны не меньше, чем всем прочим, даже больше – ведь ее задача гораздо важнее.

– А потом ты захочешь допустить женщин в армию, – жалобно проговорил граф Петер. – И к чему это нас приведет, скажи на милость?

– А почему женщин нельзя допускать в армию? – наивно осведомилась Корделия, решив немного поддразнить генерала.

– Это не по-военному, – отрезал старик.

– Я всегда думала, что «по-военному» действуют те, кто выигрывает сражения, – невинно заметила Корделия, но тут муж легонько уцепил ее, и она замолчала.

Оруженосец графа Петра явно недооценил свою противницу. Стремительный бросок – и он оказался на лопатках. Это заставило его собраться. Зрители разразились насмешливыми криками. В следующем раунде он уложил Дру.

– Куделка считал слишком быстро, правда? – спросила Корделия, когда противник отпустил Друшикко и позволил ей встать.

– М-м... Возможно, – отозвался Форкосиган, старавшийся блюсти нейтралитет. – А она слишком осторожничает. Если она и дальше будет щадить соперников, то не попадет даже в полуфинал.

В третьем – решающем – раунде Друшикко успешно провела болевой прием на руку, но позволила противнику высвободиться – правда, при этом он упал.

– Жаль, жаль. Не повезло девчонке, – с лицемерным сочувствием пробормотал граф Петер.

– Считай, Ку! – крикнула Корделия.

Но лейтенант, упрямо опершись на свою трость, не стал засчитывать падения. Друшикко тем временем заметила новую возможность для атаки и, проведя бросок, зажала шею противника.

– Почему он не сдается? – спросила Корделия.

– Предпочитает потерять сознание, – ответил адмирал. – Так он не услышит града насмешек своих приятелей.

Друшикко явно растерялась: лицо противника побагровело. Корделия заметила, что она уже готова ослабить хватку, и завопила:

– Держись, Дру! Не давай себя провести!

Телохранительница послушно усилила нажим, и противник обмяк.

– Прерывай схватку, Куделка, – огорченно распорядился граф Петер. – Ему сегодня заступать на дежурство.

– Молодец, Дру! – похвалила Корделия, когда Друшикко вернулась к ним. – Но ты должна действовать агрессивнее. Не сдерживай инстинкты убийцы.

– Это верно, – неожиданно сказал Форкосиган. – Секундная неуверенность, а она вам пока что свойственна, может привести к смертельному исходу – и не только для вас. – Он посмотрел девушке прямо в глаза: – Здесь вы готовитесь к настоящим боям, хотя мы все и хотели бы надеяться, что их больше не будет. А для победы в бою нужны автоматическая реакция и полная самоотдача.

– Да, сэр. Я постараюсь, сэр.

В следующей схватке сержант Ботари два раза подряд стремительно уложил своего противника. Победенный уполз с помоста. Прошло еще несколько схваток, и снова наступила очередь Друшикко, на этот раз – против одного из людей Иллиана.

Едва они сошлись, как охранник наградил девушку весьма недвусмысленным звонким шлепком. Зрители приветствовали такое начало дружным свистом, а Друшикко на миг оторопела от ярости. Этого было достаточно – в следующую секунду она лежала на лопатках.

– Ты это видел?! – возмущенно воскликнула Корделия. – Какая низкая уловка!

– Угу. Но она не входит в число восьми запрещенных приемов. Дисквалифицировать за это нельзя. Тем не менее...

Адмирал знаком попросил у Куделки тайм-аут и подозвал к себе Друшикко.

– Мы внимательно следим за схваткой, – негромко сказал он. – Поскольку вы представляете миледи, то оскорбление, нанесенное вам, в некоторой степени задевает и ее. К тому же это нежелательный прецедент. Я хотел бы, чтобы ваш противник не сумел уйти с помоста на своих ногах. Как – это ваше дело. Если хотите, считайте мои слова приказом. И не беспокойтесь, если поломаете ему что-нибудь, – невозможно добавил он.

Друшикко вернулась на помост с легкой улыбкой; ее прищуренные глаза горели. Она сделала ложный выпад, за которым последовала молниеносная серия ударов – в скулу, под дых и одновременно в колено, так что несчастный парень с тяжелым стуком рухнул на ковер. Встать он даже не пытался.

– Ты была права, – заметил Форкосиган. – Эта девчонка действительно способна на многое.

Следующая схватка для Друшикко стала полуфинальной, и судьба свела ее с сержантом Ботари.

– Это не опасно? – чуть слышно спросила Корделия. – Я имею в виду обоих, а не только ее. И не синяки и переломы, а совсем другое.

– Думаю, опасности нет, – так же тихо ответил адмирал. – Ты же знаешь, служба у моего отца была для Ботари вроде санаторного лечения. Он принимал лекарства и сейчас выглядит лучше, чем когда-либо прежде. Да и атмосфера тренировочного боя для него привычна; в конце концов, Дру для него не противник, так что нет особенных причин для его волнений.

Успокоенная Корделия кивнула и сосредоточила внимание на ринге.

Бой начался медленно: Друшикко явно робела и старалась сохранить дистанцию, избегая захвата. Вдруг лейтенант Куделка нажал на кнопку своей трости, и ножны отлетели в кусты. Резкий звук на мгновение отвлек Ботари, и его противница успела провести прием. Сержант грохнулся на помост, но тут же перекатился и вскочил на ноги.

– Вот это бросок! – восторженно воскликнула Корделия. Дру, казалось, была изумлена не меньше, чем все остальные. – Она выиграла этот раунд, Ку!

Лейтенант Куделка нахмурился.

– Такая победа не засчитывается, миледи. – Кто-то из оруженосцев графа принес ножны, и Куделка снова спрятал клинок. – Внимание одного из бойцов было отвлечено по моей вине.

– Но совсем недавно, и при точно таком же броске, ты не возражал!

– Не надо, Корделия, – тихо попросил Форкосиган. – Не спорь.

– Но он отнимает у нее победу! – возмущенно прошептала Корделия. – И какую победу! До сих пор Ботари не проиграл ни одной схватки.

– Да. На «Генерале Форкрафте» Куделке пришлось тренироваться полгода, прежде чем он смог бросить Ботари.

– О! Гм. – Это сообщение заставило ее задуматься. – Зависть?

– Разве ты не заметила? У нее есть то, чего он лишился, – сила и здоровье.

– Я заметила, что он бывает с ней чудовищно груб, – не унималась Корделия. – Просто стыд и срам! Ей, видимо...

Форкосиган предупреждающе поднял палец:

– Поговорим об этом позже. Не здесь.

Она согласно кивнула:

– Хорошо.

Во втором раунде сержант два раза подряд буквально впечатал Друшикко в помост, а потом с такой же легкостью расправился со своим последним противником.

На сегодня соревнования были закончены, но участники не спешили расходиться – они сбились вокруг Куделки и после недолгого совещания отправили его парламентаром к лорд-регенту.

– Сэр, мы подумали – не проведете ли вы показательный бой? С сержантом Ботари?

– Я не в форме, лейтенант, – запротестовал Форкосиган. – И вообще, как они об этом прослышали? Твоя работа?

Куделка ухмыльнулся:

– Немного. Думаю, это пошло бы им на пользу. Пример настоящей борьбы – такой, какой они еще не видели.

– Боюсь, плохой пример.

– И я тоже никогда не видела, – заинтересовалась Корделия. – Это что, действительно такое необыкновенное зрелище?

– Не знаю. Я-то чем тебя обидел? Хочешь полюбоваться, как Ботари сделает из меня котлету?

– По-моему, ты и сам не прочь подраться, – оправдывалась Корделия, поняв, что муж ждет уговоров. – Мне кажется, ты соскучился по хорошей драке.

– Да, пожалуй... – задумчиво отозвался адмирал.

Он встал под аплодисменты собравшихся, снял китель, ботинки, стянул с пальцев перстни, вытряхнул все из карманов брюк и шагнул на помост.

– Будешь судить, Ку, – окликнул он своего секретаря. – Чтобы никто понапрасну не беспокоился.

– Да, сэр. – Прежде чем заковылять на судейское место, лейтенант обратился к Корделии: – Гм... Миледи, помните одно: за четыре года подобных схваток они друг друга еще не убили.

– Почему-то это меня скорее пугает, чем успокаивает. Ведь Ботари сегодня провел уже шесть поединков. Не устал ли он?

Бойцы встали друг против друга и обменялись церемониальными поклонами. Куделка поспешно ретировался. Веселый шум среди зрителей смолк; воцарилась напряженная тишина. Адмирал и сержант начали медленно кружить по помосту – и вдруг стремительно бросились друг к другу. Корделия толком не разглядела, что же произошло, но они уже разошлись – Форкосиган сплевывал кровь из рассеченной губы, а сложившийся пополам Ботари с видимым усилием восстанавливал дыхание.

И снова началось выжидательное кружение. Сделав почти незаметный финт, Ботари провёл сокрушительный удар ногой, и Форкосиган вылетел с помоста. Он упал, перекатился, мгновенно вскочил и снова ринулся в бой. Люди, под чьей защитой должна была находиться жизнь регента, обеспокоенно переглянулись. В следующий миг Форкосиган был со всего маху брошен на помост, а Ботари навалился на него, захватив горло. Корделия словно сама почувствовала, как ребра Эйрела прогнулись под коленями сержанта. Пара охранников подалась было вперед, но Куделка взмахом руки заставил их остановиться. Побагровевший адмирал постучал по ковру, показывая, что сдаётся.

– Первый раунд выиграл сержант Ботари, – объявил Куделка. – Два из трех, сэр?

Сержант Ботари ждал, чуть улыбаясь, а Форкосиган сидел и жадно глотал воздух, стараясь отдышаться.

– Ну, по крайней мере ещё один. Мне нужен реванш. Я не в форме.

– Я вас предупреждал, сэр, – пробормотал Ботари.

Они снова начали кружить по помосту. Сблизились, разошлись, снова сошлись – и вдруг Ботари совершил потрясающее сальто-мортале. Форкосиган подкатился под него и, захватив его руку, чуть не вывихнул себе плечо в невероятном падении. Ботари дернулся, пытаясь разорвать захват, но не смог и вынужден был сдаться. На этот раз уже он с минуту сидел на ковре, прежде чем подняться на ноги.

– Потрясающе! – выдохнула Друшикко; глаза ее горели. – Особенно если учесть, что милорд настолько меньше ростом.

– Мал да удал, – подтвердила замороженная Корделия.

Третий раунд оказался коротким. Неразбериха ложных выпадов и ударов – и совместное падение, в результате которого вдруг обнаружился захват руки, проведенный сержантом. Тут Форкосиган допустил ошибку, попытавшись освободиться, и совершенно невозмутимый Ботари с громким щелчком вывихнул ему руку. Форкосиган заорал и сделал знак, что сдаётся. Куделке снова пришлось останавливать незваных помощников.

– Вправь мне руку, сержант, – простонал Форкосиган, сидя на помосте. Ботари уперся ногой в грудь своему бывшему командиру и одним коротким рывком поставил руку на место.

– По крайней мере в этот раз он вам ее не сломал, – ободрил его Куделка, вместе с Ботари помогая регенту встать. Форкосиган побрел обратно к диванчику и очень осторожно уселся в ногах у Корделии. Ботари тоже двигался медленнее и осторожнее, чем обычно.

– Вот так, – проговорил Форкосиган, все еще не отдышавшись, – мы развлекались на борту старого доброго «Генерала Форкрафта».

– Неплохо, – заметила Корделия. – И часто вам приходилось использовать эти навыки в реальном бою?

– Редко, очень редко. Но когда приходилось, мы всегда побеждали.

Зрители разошлись, негромко обсуждая состязание. Корделия пошла с Форкосиганом, чтобы заняться травмами, приготовить горячую ванну и сделать массаж.

Разминая мужу занемевшие мышцы, она снова возобновила разговор о том, что все сильнее занимало ее.

– Как ты думаешь, не пора ли тебе потолковать с Куделкой относительно его поведения с Дру? Она буквально из кожи лезет, чтобы наладить с ним отношения. А он не снисходит даже до элементарной вежливости. Если я не ошибаюсь, бедная девочка влюбилась в него по уши, хотя он и не желает этого замечать.

– А почему ты решила, что он ничего не замечает? – медленно спросил адмирал.

– По тому, как он держится. И это тем более обидно, что они были бы прекрасной парой. Разве ты не считаешь ее привлекательной?

– По-моему, Дру – высший класс. Но я, как известно, вообще равнодушен к рослым амазонкам. – Он хмыкнул. – Однако если у тебя глаза разгорелись в предвкушении роли свахи... Кстати, как ты думаешь, не связано ли это с материнскими гормонами?

– Мне вывихнуть тебе вторую руку?

– Ох! Нет, спасибо. Довольно с меня и Ботари. Я уже успел забыть, что такое спарринг с нашим сержантом. Помассируй-ка еще немного. Чуть ниже, пожалуйста...

– У тебя здесь завтра будут жуткие синяки.

– Мне ли не знать. Так вот, прежде чем ты займешься личной жизнью Дру... Ты не забыла об инвалидности Куделки?

– О! – поразились Корделия. – Я думала, что... его половые функции восстановлены не хуже, чем все остальное.

– Или не лучше. Это очень сложная операция.

Корделия нахмурилась:

– Ты точно знаешь?

– Нет, не знаю. Такого разговора между нами не было. Никогда.

– Гм. Как же быть? А может, ты у него спросишь?

– О Господи, Корделия! Да разве можно задавать такие вопросы! А вдруг ему придется ответить отрицательно? Мне ведь с ним работать, не забывай об этом.

– Ну, а мне работать с Дру. Какой мне от нее прок, если она начнет чахнуть и умрет от разбитого сердца? Он уже не раз доводил ее до слез. Она забивается в какой-нибудь угол и плачет.

– Правда? Такое трудно себе представить.

– Не уверять же мне девочку, что Куделка ее недостоин... Как ты думаешь, она действительно ему неприятна? Или это только самозащита?

– Разумный вопрос... Могу сказать только одно: на днях мой водитель отпустил какое-то вольное замечание в ее адрес, и Ку после этого говорил с ним достаточно холодно. Не думаю, чтобы она была ему неприятна; скорее он просто ей завидует.

Корделии пришлось удовлетвориться этим. Ей страстно хотелось как-нибудь помочь юной парочке, но на ум не приходило ничего, кроме обилия советов, касающихся преодоления сугубо интимных трудностей, которые могут возникнуть из-за инвалидности лейтенанта. Однако высказывать их вслух – значило бы непростительно оскорбить и шокировать застенчивых влюбленных. О секс-терапии никто из барраярцев и слыхом не слыхивал.

Как истинная бетанка, Корделия была убеждена, что двойной стандарт в сексуальном поведении нелеп, да и вообще невозможен. Но постепенно, исследуя дебри высшего общества Барраяра, она начала понимать, как им удается совмещать несовместимое. Все сводилось к тому, что определенным лицам запрещался доступ к определенной информации, причем эти лица отбирались по каким-то неписаным правилам, известным всем, кроме нее. Нельзя, например, говорить о сексе в присутствии незамужних женщин и детей. Молодые барраярцы, кажется, не связаны никакими ограничениями в разговоре друг с другом, но только не при женщинах – любого возраста и положения. В придачу эти правила варьировались в зависимости от социального статуса. И замужние женщины в своем кругу, когда их не могут подслушать мужчины, тоже иногда вдруг кардинально меняли свои понятия о том, какие темы считаются приличными. По поводу некоторых вопросов можно пошутить – однако обсуждать их нельзя. А о некоторых особенностях даже упоминать запрещено. Она уже не раз шокировала собеседников каким-нибудь, как ей казалось, совершенно естественным и пустяковым замечанием – и Эйрел тут же отводил ее в сторону, чтобы объяснить ошибку.

Корделия попыталась систематизировать все эти неписанные правила, но нашла их настолько запутанными и противоречивыми – особенно в том, когда и кому в каких областях полагается напускать на себя неведение, – что вскоре бросила это занятие. Впрочем, она все же

показала мужу свой конспект. Тот прочел его как-то вечером, уже лежа в постели, – и чуть не умер со смеху.

– Неужели мы действительно выглядим такими идиотами? Мне особенно нравится твое Седьмое правило. Надо его запомнить... Жаль, что я не знал о нем в юности. Можно было бы обойтись без этих ужасных армейских учебных видео.

– Если будешь так ржать, у тебя кровь пойдет носом, – съязвила она. – Это ваши правила, а не мои. Вы их соблюдаете. Я всего лишь пытаюсь их понять.

– Моя милая исследовательница. Гм... Да уж, ты не боишься называть вещи своими именами. Мы никогда не пробовали... Ты не хотела бы нарушить со мной Одиннадцатое правило, милый капитан?

– Посмотрим-ка, которое это... О да, конечно! Сейчас? И уж если на то пошло, давай отбросим и Тринадцатое. У меня гормоны разыгрались.

– Тринадцатое? Вот уж не думал...

– Это потому что ты как барраярец слишком часто следуешь Второму правилу.

Этические изыскания на время были забыты. Но впоследствии Корделия обнаружила, что всегда может заставить мужа расхохотаться, пробормотав: «Девятое правило, сэр».

Осень уходила. Уже чувствовалось приближение холодов; ночными заморозками побило растения в саду графа Петера. Корделия с великим нетерпением ожидала прихода своей первой зимы. Форкосиган обещал ей снег, настоящую замерзшую воду. Такое она видела только в двух астроэкспедициях. «К весне я рожу сына. Ха».

День выдался погожий, даже жаркий. От нагретой плоской крыши, где стояла Корделия, исходило приятное тепло, хотя щеки стал пощипывать легкий морозец, как только солнце опустилось за линию городских домов.

– Добрый вечер, мальчики, – кивнула она двум охранникам, дежурившим на крыше.

Те заулыбались, а старший по званию неуверенно козырнул:

– Миледи!

У Корделии уже вошло в привычку каждый вечер подниматься сюда и смотреть на закат. С высоты четырех этажей открывался прекрасный вид на город. За деревьями и зданиями можно было разглядеть реку. Над крутым берегом вздымались башни замка Форхартунг, в стенах которого проходило столь памятное для Корделии заседание Совета Графов. Правда, огромный котлован в нескольких кварталах от резиденции Форкосиганов предвещал новостройку, которая вскоре положит конец наслаждению от любования окрестными пейзажами.

За замком раскинулся старый город. Корделия там еще не бывала – в его извилистых улочках, где не разминуться даже двум всадникам, машине не проехать. Но с флайера, пролетая над столицей, она не раз с интересом рассматривала странные темные пятна в сердце города. Новые кварталы, сверкавшие на горизонте, по планировке приближались к галактическим стандартам.

Ничто не напоминало тут Колонию Бета. Форбарр-Султан целиком лежал на поверхности планеты – странно двумерный и открытый всем стихиям. Города же Колонии Бета зарывались вглубь, в шахты и туннели, многослойные, уютные и надежные. Собственно говоря, на Бете вообще не имели понятия об архитектуре как о виде искусства – украшение жилищ там сводилось к отделке внутренних помещений. Просто удивительно, насколько разнообразными могут быть фасады зданий.

Охранники переминались с ноги на ногу и вздыхали, ожидая, когда ей надоест стоять, облокотившись на парапет. Им очень не нравилось, когда она приближалась к краю ближе чем на три метра, хотя вся крыша была всего в шесть метров шириной.

Она вдохнула аромат полей, к которому примешивались запахи фабричного дыма и автомобильных выхлопов. На Барраяре допускалось совершенно бесконтрольное загрязнение воздуха, словно... Хотя он здесь и впрямь бесплатный. Никто его не распределяет, нет платы за обработку и очистку... Понимают ли эти люди, насколько они богаты? Они могут дышать этим воздухом, просто выходя из дома, принимая этот дар так же спокойно, как и замерзшую воду, падающую с неба. Она сделала лишний вдох, словно хотела, как скряга, скопить на потом, и улыбнулась... Скоро появится машина Форкосигана, въезжающая во двор...

Далекий резкий звук взрыва прервал плавное течение ее мыслей; у нее защемило сердце и перехватило дыхание. Оба охранника дернулись. «Ну, услышала взрыв, – мысленно пролепетала Корделия. – Совсем необязательно он имеет отношение к Эйрелу. – Но голос разума холодно уточнил: – Похоже на акустическую гранату. И не маленькую».

Из ущелья улицы в нескольких кварталах от резиденции поднимался столб дыма и пыли. Она наклонилась вперед...

– Миледи. – Охранник взял ее за плечо. – Пожалуйста, вернитесь в дом.

Его напарник прижал к уху запястье с комм-браслетом, напряженно впитывая информацию. А у нее такого браслета сейчас не было.

– Что происходит? – спросила Корделия.

– Миледи, пожалуйста, спускайтесь! – Он подвел ее к люку чердака. – Я уверен, что все в порядке.

– Это была акустическая граната четвертого класса, выпущенная, по-видимому, из пневматического гранатомета, – сообщила она этому невежде. – Если только метавший – не камикадзе. Вы что, никогда не слышали, как они взрываются?

Из люка выскочила Друшикко, сжимавшая в руке намазанный маслом рогалик. В другой она держала парализатор.

– Миледи?

Охранник с облегчением подтолкнул Корделию к ней и вернулся к своему старшему. Душа Корделии стонала, но она стиснула зубы и позволила телохранительнице увлечь себя на чердак.

– Что случилось?

– Пока не знаю. В подвальной столовой зажегся красный сигнал тревоги, и все бросились на свои посты, – ответила запыхавшаяся Дру. Похоже, она чуть ли не взлетела по шести лестничным пролетам.

С возгласом отчаяния Корделия помчалась вниз, особенно остро ощутив отсутствие лифта. Наверняка кто-нибудь дежурит у главного пульта в библиотеке – должно же хоть у кого-нибудь найтись комм-устройство... Она промчалась по винтовой лестнице, по белым с черным плитам холла.

Начальник охраны был там – он отдавал приказы. Дворецкий графа Петера дрожал от страха у него за спиной.

– Они едут прямо сюда, – бросил через плечо начальник охраны. – Срочно доставьте врача.

Дворецкий помчался исполнять приказ.

– Что случилось? – выпалила Корделия. Сердце у нее отчаянно колотилось – и не только от стремительного бега.

Он начал было говорить что-то успокаивающее и бессмысленное, но прервал себя на полуслове:

– Кто-то пальнул по машине регента. Промохнулся. Они едут сюда.

– Насколько промахнулся?

– Не знаю, миледи.

Наверное, и вправду не знает. Но раз машина осталась на ходу... Она беспомощным жестом разрешила ему продолжить работу и резко повернулась, чтобы выйти обратно в холл, однако наткнулась на двоих людей графа Петера, преградивших ей путь к двери. Она замерла на третьей ступеньке, кусая губы.

– Как вы думаете, лейтенант Куделка с ним? – чуть слышно спросила Друшикко.

– Вероятно. Обычно они вместе, – рассеянно ответила Корделия, не отрывая взгляда от двери. И ждала, ждала...

Она услышала, как подъехала машина. Один из слуг отворил наружную дверь. Охранники (и откуда их столько взялось?) обступили автомобиль сплошной стеной. Корделия успела заметить, что машина сильно поцарапана и покрыта копотью, но глубоких вмятин на ней видно не было. Заднее стекло уцелело, хотя на переднем был след от удара. Распахнулись дверцы, и Корделия вытянула шею, пытаясь разглядеть мужа, скрытого зелеными спинами охранников. Тут они расступились, и в проеме показался лейтенант Куделка. Он растерянно моргал, из носа у него текла кровь. Капрал службы безопасности поддерживал его под руку. Наконец появился Форкосиган – он шел не спеша, отмахиваясь от предлагаемой со всех сторон помощи. Даже в такую минуту никто не посмел дотронуться до него без разрешения. Все вошли в дом, и дворецкий захлопнул входную дверь.

Адмирал поймал поверх многочисленных голов взгляд жены, и его мрачное лицо чуть просветлело. Он еле заметно кивнул: «У меня все в порядке».

Ее губы ответно дрогнули: «Смотри у меня».

Куделка возбужденно говорил:

– ...дьявольски большая дыра в асфальте! В нее бы целый грузовой катер влез. У водителя потрясающая реакция... Что? – Он покачал головой в ответ на какой-то вопрос. – Извините, у меня в ушах звенит. Повторите, пожалуйста.

Он замер с открытым ртом, прикоснулся к уху и изумленно уставился на окрасившуюся алой кровью руку.

– Ты временно потерял слух, Ку, – сказал Форкосиган. Голос его был спокойным, но чересчур громким. – К завтрашнему утру он восстановится.

Только Корделия догадалась, что говорит он так громко не ради Куделки: Форкосиган тоже ничего не слышал. Он слишком быстро двигал зрачками – и это было единственным признаком того, что ему приходится читать по губам.

Саймон Иллиан и врач появились почти одновременно. Обоих пострадавших увели в тихую гостиную в задней части дома; Корделия и Друшикко пошли следом. По требованию Форкосигана врач начал осмотр с Куделки.

– Один выстрел? – спросил Иллиан.

– Только один, – подтвердил Форкосиган, наблюдая за его губами. – Если бы он задержался, чтобы сделать второй, то мог бы прищучить меня.

– Если бы он задержался, мы сами смогли бы его прищучить. Следственная группа уже там. Стрелявший, естественно, давно скрылся. Ничего не скажешь, место он выбрал разумно – десятки путей к отступлению.

– Мы каждый день меняем маршрут, – проговорил Куделка; он с трудом следил за разговором, прижимая к лицу носовой платок. – Откуда он узнал, где устроить засаду?

– Видимо, утечка информации, – процедил командер Иллиан.

– Не обязательно, – возразил Форкосиган. – Ближе к дому маршрутов не так уж много. Он мог ждать там несколько дней.

– Прямо у границы охраняемого района? – заметил Иллиан. – Не нравится мне это.

– Меня больше тревожит то, что он промахнулся, – ответил Форкосиган. – Почему? Может, это нечто вроде предупреждения?

– Это было старое оружие, – возразил Иллиан. – Система наведения могла отказать – никто из очевидцев не заметил «зайчика» от лазера. – Он умолк, заметив, как побледнела Корделия. – Миледи, я уверен, что стрелял какой-то сумасшедший. По крайней мере совершенно точно известно, что он был один.

– И откуда же у маньяка армейский гранатомет? – осведомилась она.

Иллиан смутился.

– Это мы обязательно выясним. Но гранатомет был явно старого образца.

– Разве вы не уничтожаете списанное вооружение?

– Его так много...

Корделия вспыхнула.

– Тому, кто стрелял, надо было сделать всего один выстрел. Если бы он не промахнулся, а попал в автомобиль, Эйрела разнесло бы на мелкие кусочки. Сейчас ваши следователи разбирались бы, которые молекулы его, а которые – от Ку.

Лицо Друшикко стало серым, а Форкосиган нахмурился.

– Хотите, Саймон, я вам точно рассчитаю амплитуду резонансных колебаний для герметичного пассажирского салона? – яростно и беспощадно продолжала Корделия. – Тот, кто выбрал именно это оружие, был компетентным военным техником – хотя, к счастью, плохим стрелком.

Она с трудом заставила себя замолчать, ощутив в своем голосе истерические нотки.

– Приношу свои извинения, капитан Нейсмит, – сухо проговорил Иллиан. – Вы совершенно правы. – Сейчас в его тоне не было и намека на иронию. Он кивнул ей и удалился с чрезвычайно озабоченным видом.

Врач подтвердил диагноз, уже поставленный Форкосиганом на основании боевого опыта, – акустический шок, выдал сильнодействующие таблетки от головной боли и тотчас уехал, пообещав заглянуть утром.

Поздно вечером Иллиан вернулся, чтобы обсудить происшедшее с начальником охраны. Увидев его, Корделия едва поборола желание схватить командера за грудки и, прижав к ближайшей стене, встряхнуть из него все, что ему известно. Взяв себя в руки, она спросила:

– Кто пытался убить Эйрела? Кому это нужно? Чего они надеются этим достичь?

Иллиан вздохнул:

– Вам короткий список, миледи, или длинный?

– А сколько человек в коротком списке? – спросила она с каким-то патологическим любопытством.

– Слишком много. Но, если хотите, я могу назвать вам верхний слой. – Он начал считать, загибая пальцы. – Цетагандийцы – всегда. Они рассчитывали на то, что здесь после смерти Эзара начнется политический хаос. И они вполне способны этому поспособствовать. Убийство – куда более дешевый способ вмешательства по сравнению с оккупационным флотом. Комаррцы – из мести за старое или в знак начала нового восстания. Многие из них до сих пор называют вашего супруга Мясником Комарры...

Корделия, зная историю этого ненавистного прозвища, поморщилась.

– Антифоры, потому что на их вкус регент слишком консервативен. Правое крыло военных, которые находят его чересчур демократичным. Кто-нибудь из уцелевших приверженцев принца Зерга и адмирала Форратьера. Бывшие сотрудники ныне разогнанного Министерства политвоспитания – хотя я сомневаюсь, чтобы кто-то из них мог промахнуться. Их ведь раньше готовил департамент Негри. Какой-нибудь обиженный фор, который считает, что в нынешних перестановках его незаслуженно обошли. Любой сумасшедший, имеющий доступ к оружию и горящий желанием прославиться. Мне продолжать?

– Не стоит. Так как же быть дальше? Если мотив имеется слишком у многих, то, может, не у всех была такая возможность?

– Здесь есть за что ухватиться, хотя результаты в основном пока отрицательные. Как я уже говорил, все сработано очень чисто. Тот, кто подготовил диверсию, должен был иметь доступ к определенному рода информации. Вот с этого мы и начнем.

Поразмыслив, Корделия пришла к выводу, что больше всего ее тревожит анонимность покушения. Если убийцей может оказаться любой, слишком велик соблазн подозревать каждого встречного. Похоже, сумасшествие здесь вроде гриппа – барраярцы заражают им друг друга. Ей оставалось лишь надеяться, что Иллиан и Негри совместными усилиями вскоре добудут какие-нибудь конкретные факты. Она загнала все страхи в крошечную каморку под сердцем и заперла их на замок – рядом со своим ребенком.

В эту ночь они долго лежали без сна, тесно прижавшись друг к другу. Говорить было не о чем, да и не хотелось. «Он промахнулся. Значит, идем дальше. До следующего покушения».

Глава 5

День рождения императора по традиции широко отмечался, и энтузиазм барраярцев ничуть не уменьшило то, что из-за смерти Эзара и воцарения Грегора они праздновали его второй раз в году. Во всех богатых домах задавались пиры, устраивали танцы, принимали ветеранов. Повсюду вспыхивали никем не контролируемые фейерверки, и Корделия подумала, что для государственного переворота или внезапного нападения на столицу лучшего дня не выбрать: в таком шуме никто не заметил бы даже артиллерийского обстрела. Треск бесчисленных петард начался еще на рассвете.

Дежурные охранники, давно привыкшие вскидываться при всяком неожиданном шуме, были напряжены до предела. Впрочем, пара новичков попыталась внести в праздник свою лепту, устроив собственный фейерверк в саду. Тут же у них состоялся короткий, весьма нелицеприятный разговор с начальником охраны. Позже Корделия видела, как они выносят мусор под командой насмешливой горничной – а младшая судомойка и помощник повара радостно помчались по домам, получив неожиданный отпуск.

Корделия отклонила приглашение посетить военный парад, дабы сохранить силы для вечернего мероприятия (как ей дали понять – самого важного в году): торжественного обеда в императорском дворце. Ей хотелось повидать Карин и Грегора – пусть даже мимоходом. К тому же можно было не сомневаться в том, что одета она будет, как подобает ее положению на Барраяре. Леди Форпатрил, досконально изучившая барраярские моды для беременных и обладавшая прекрасным вкусом, сжалилась над беспомощной инопланетницей и взяла над ней шефство как модельер и эксперт.

Благодаря ее заботам Корделия чувствовала себя уверенно в превосходно сшитом шелковом платье цвета изумруда, волнами спадавшем от плеч до пола, и широком жилете из мягкого кремового бархата. Живые цветы, искусно вплетенные в ее рыжие волосы чудодеем-парикмахером, присланным Элис, элегантно дополняли туалет. Подбор нарядов, как и неукоснительное следование церемониалу, давно уже стал здесь национальным видом искусства, таким же сложным, как бетанский макияж для тела. На реакцию мужа Корделия не полагалась, но восторженные восклицания горничных убедили ее, что мастера поработали на славу.

Скоро в холл спустились оба Форкосигана и лейтенант Куделка. Адмирал и лейтенант были в дворцовых красно-синих мундирах, а старый граф – в своем роскошном коричнево-серебряном камзоле, предназначенном для особо торжественных случаев. Друшикко, сопровождавшая Корделию, была в наряде тех же тонов, что и хозяйка. Покрой ее одежды был рассчитан на то, чтобы не стеснять движений и скрывать вооружение и комм-устройство.

Несколько мгновений все молча восхищались друг другом, затем направились к выходу. Регентский кортеж ждал у дверей. Адмирал посадил жену в машину, но сам отступил назад:

– Увидимся во дворце, дорогая.

– Что? – Она обернулась: – О! Значит, второй автомобиль... это не просто из-за того, что нас много?

– Нет. Мне кажется... разумным, чтобы с этого дня мы с тобой ездили в разных машинах.

– Да, – чуть слышно сказала она. – Конечно.

Он кивнул и отвернулся.

Будь проклята эта планета! Она отобрала еще одну часть их жизни. У них и так почти нет времени, чтобы побыть вдвоем, и даже эта крошечная потеря причиняет боль.

Рядом с Корделией сел граф Петер. Друшикко устроилась напротив, и машина плавно вывернула на улицу. Корделия прижалась носом к стеклу, пытаясь увидеть адмиральский лимузин, но тот отстал и оказался вне поля зрения. Вздохнув, она отвернулась и села прямо.

Желтое солнце садилось в серую гряду облаков, в прохладном осеннем сумраке начали зажигаться фонари. Город казался строгим и немного печальным. Сейчас Корделию даже обрадовали шумные толпы, высыпавшие на улицы по случаю торжеств. Праздничный фейерверк напомнил ей обычай древних жителей Земли стучать в тазы и стрелять из ружей во время лунных затмений, чтобы прогнать небесного дракона, пожирающего светило. Эта странная осенняя печаль... она может поглотить неосторожную душу.

Узловатые пальцы графа теребили коричневый шелковый мешочек с вышитым гербом Форкосиганов. Корделия с интересом посмотрела на него:

– Что это?

Старик чуть заметно улыбнулся и протянул ей мешочек:

– Это называется кошелек. А в нем – золотые монеты.

Опять народное искусство! Мешочек и его содержимое были удивительно приятны на ощупь. Она провела рукой по шелку, восхищаясь вышивкой, и вытряхнула на ладонь несколько сверкающих кружочков со сложной чеканкой.

– Очень красиво. – Ей вспомнились почерпнутые откуда-то сведения, что в Период Изоляции золото считалось на Барраяре исключительно ценным материалом. В ее бетанском сознании слово «золото» ассоциировалось с чем-то вроде «полезный металл, применяемый в электронной промышленности», но древние относились к нему чуть ли не с мистическим обожанием. – Это что-то означает?

– Ха! Еще бы. Это подарок императору ко дню рождения.

Корделия представила себе, как пятилетний Грегор играет с кучкой золотых монет. Интересно, что он будет с ними делать – построит пирамидку? Она надеялась, что император уже вышел из того возраста, когда любой привлекательный предмет отправляется в рот: таким увесистым кружочком недолго и подавиться.

– Думаю, Грегор будет очень рад, – скрыв сомнения, проговорила она.

Граф засмеялся.

– Ты не понимаешь, что происходит, да?

Корделия вздохнула:

– Как обычно, сэр. И рассчитываю на вашу подсказку.

Она откинулась на спинку сиденья, приготовившись слушать. Граф со временем даже полюбил объяснять невестке барраярские обычаи – ему было приятно обнаружить очередной закоулок ее бетанской безграмотности и заполнить его барраярской информацией с собственными комментариями. А Корделия уже пришла к убеждению, что, читай он эти лекции еще хоть двадцать лет, – она не перестанет изумляться очередной загадке барраярских нравов.

– День рождения императора – традиционная дата окончания финансового года в каждом графском округе, – начал старый Форкосиган. – Иначе говоря, это день уплаты налогов – но вот только форы налогом не облагаются. Это несовместимо с нашим достоинством. Вместо этого мы преподносим императору подарок.

– А-а... – сказала Корделия. – Но управление планетой, сэр, нельзя окупить шестью десятками мешочков с золотом.

– Конечно, нельзя. Реальные средства были переведены в Форбарр-Султан из Хассадара днем, по комм-связи. Золото – это просто символ.

– Позвольте, разве вы в этом году еще не переводили деньги в казначейство?

– Весной, для Эзара. Да. Ну а теперь мы изменили дату окончания финансового года.

– Разве это не нарушит всю систему расчетов?

Старик пожал плечами:

– Мы справляемся. – Неожиданно он усмехнулся. – А вообще-то ты знаешь, откуда пошло слово «граф»?

– Я думала, с Земли. Доатомный... кажется, позднеримский термин, обозначающий аристократа, управлявшего графством. Или наоборот – подвластную область называли по титулу правителя?

– На Барраяре это слово произошло от слова «графа». Первые графы во время Варадара Тау (кстати, потрясающий был бандит, советую тебе о нем почитать) были его бухгалтерами, сборщиками налогов.

– А я-то думала, что это военный титул. В подражание средневековой истории.

– О, военная сторона дела проявилась очень скоро, когда пришлось вытряхивать денежки из тех, кто не желал платить. Позже чин приобрел блеск.

– А я и не знала! – Она посмотрела на него с внезапным подозрением: – Вы меня не разыгрываете, сэр?

Старик обиженно развел руками. «Опять мимо, – подумала Корделия. – Да уж, здесь без карты не сориентируешься».

Они подъехали к главным воротам императорского дворца. Охрана была, как обычно, бдительна и даже более многочисленна, чем всегда, но в остальном произошли разительные перемены. Каменную громаду расцвечивали гирлянды цветных фонариков, парк был ярко освещен, и повсюду – на аллеях, у фонтанов, на широких мраморных террасах – виднелись группы нарядно одетых людей.

Автомобиль регента остановился у входа, когда они уже входили в восточный портик. Корделия облегченно вздохнула, снова оказавшись рядом с мужем, и взяла его под руку. Он улыбнулся, с гордостью любуясь женой, и незаметно поцеловал ее в шею, притворившись, будто поправляет вплетенные в прическу цветы. Она в ответ тайком сжала ему руку, и они начали подниматься по длинной пологой лестнице. Мажордом, распахнув двери, громко объявил об их приходе – и к ним повернулись, как со страху показалось Корделии, тысячи любопытных лиц. На самом же деле здесь было не более двух сотен человек. В конце концов, решила она, это совсем не так неприятно, как, например, смотреть в дуло нейробластера.

Они двинулись по залу, обмениваясь приветствиями и произнося вежливые фразы. «И почему бы им не приколоть таблички с именами?» – с тоской подумала Корделия. Как всегда, все, кроме нее, друг друга знали. Она представила себе, как начинает великосветскую беседу словами: «Эй вы, фор...» – и крепче уцепилась за локоть Эйрела. Лучше уж выглядеть таинственной незнакомкой, чем круглой душой, не имеющей понятия о правилах хорошего тона.

В следующем зале происходила церемония вручения кошельков: графы или их представители выстроились в очередь, спеша исполнить свой долг – и каждый при этом произносил небольшую, но весьма высокопарную речь. Император Грегор, которому, как заподозрила Корделия, давно уже пора было спать, сидел на троне рядом с матерью. Мальчик выглядел очень усталым, но мужественно подавлял зевоту. Корделия подумала, что ему, наверное, не разрешат оставить себе мешочки с монетами: скорее всего их возвращают обратно, чтобы на следующий год дарить снова. Ничего себе! День рождения малыша – ни поиграть с детьми, ни повеселиться, и кругом одни взрослые. Но графов пропускают быстро, может, ему скоро удастся освободиться.

Очередной даритель опустил на колено перед троном, протягивая императору свой бордово-золотой кошель. Корделия узнала графа Вейдла Фордариана, которого ее муж охарактеризовал как главу «второй по консервативности партии». Впрочем, этот человек совсем не походил на фанатика. Сейчас, когда его лицо не уродовал гнев, он был даже привлекателен. Вручив Грегору ритуальную дань, граф повернулся к принцессе и сказал что-то, отчего Карин слегка запрокинула голову и рассмеялась. Его рука словно бы невзначай коснулась платья принцессы, а ее – на мгновение коснулась его руки, но Фордариан уже начал подниматься, уступая место следующему графу. Когда он отошел, улыбка Карин погасла.

При виде Форкосиганов с Дру Грегор оживился и что-то горячо зашептал на ухо матери. Карин поманила придворного, и через несколько секунд к Корделии подошел начальник дворцовой охраны, попросивший разрешения ненадолго отвлечь мисс Друшикко. Ее заменил флегматичного вида молодой великан, следовавший за ними на такой дистанции, чтобы не слышать разговоров и в то же время, находясь поблизости, не мозолить глаза – непростой трюк для человека столь крупного.

К счастью, им скоро встретились лорд и леди Форпатрил, с которыми Корделия могла беседовать безо всякого напряжения. Дворцовый красно-синий мундир был очень к лицу капитану, но его затмевала леди Форпатрил в платье цвета красного сердолика и с розами такого же цвета, искусно вплетенными в ее пышные темные волосы. Вот идеальная чета форов, подумала Корделия, счастливых, довольных собой и безмятежных. Это впечатление не портило даже то, что капитан, как вскоре выяснилось, был уже изрядно навеселе.

Форкосигана тут же перехватили какие-то сановники, и он удалился, поручив Корделию заботам леди Форпатрил. Они двинулись по залу; мимо пробежали слуги, разносившие закуски и вина. Как и следовало ожидать, разговор начался с грядущего материнства, волнующего обеих дам. Лорд Форпатрил выдержал недолго – он поспешно извинился и пустился в погоню за подносом с бокалами. Элис тем временем переключилась на обсуждение расцветки и покроя очередного платья своей новой подруги.

– Для новогоднего бала тебе надо выбрать черное с белым, – решительно заявила она. Корделия послушно кивнула. Интересно, скоро ли все усядутся за стол, или предполагается, что они так и будут клевать с подносов?

Элис провела ее в дамскую комнату, а на обратном пути познакомила еще с несколькими матронами. Разговор тут же обратился к предстоящему званому вечеру, который собиралась устроить одна из дам по случаю совершеннолетия своей дочери. Воспользовавшись моментом, Корделия незаметно отошла в сторону, чтобы немного побыть в одиночестве и тишине. Как все перепутано на этом Барраяре. То он домашний и знакомый, то совсем чужой и пугающий... Уединившись, Корделия вдруг осознала, чего ей не хватает. Конечно, видеокамер! Ведь здесь нет ни одной! В Колонии Бета церемония такого масштаба непременно транслировалась бы на всю планету, и движение каждого вплеталось бы в тщательно отрежиссированный танец перед видеокамерами и ведущими. Здесь же ни одной камеры не было. Запись вела только служба безопасности, но в своих собственных целях, и режиссура ей не требовалась. Гости говорили и двигались только друг для друга, и вся красота, весь блеск этого вечера уже через несколько часов исчезнут, сохранившись только в воспоминаниях.

– Леди Форкосиган?

Раздавшийся совсем рядом голос вывел Корделию из задумчивости. Повернувшись, она оказалась лицом к лицу с коммодором графом Фордарианом. То, что на нем был красно-синий мундир, а не его фамильные цвета, свидетельствовало, что граф состоит на действительной службе. Интересно, чем он занимается? Да, ведь Эйрел говорил – Генеральный штаб, боевое планирование... Сейчас в руке у Фордариана был бокал с вином, а на губах – сердечная улыбка.

– Граф Фордариан, – отозвалась она, тоже улыбаясь. Они уже не раз виделись, хотя и мельком, и Корделия решила, что можно обойтись без церемонии взаимных представлений. От регентства, к сожалению, никуда не деться, так что пора ей заводить собственные знакомства и перестать на каждом шагу дергать Эйрела.

– Вам нравится прием? – спросил он.

– О да. – Она попыталась придумать, что бы еще сказать. – Все так прекрасно.

– Как и вы, миледи.

Граф поднял бокал, словно произнося тост в ее честь, и отпил глоток.

У Корделии замерло сердце; она успела осознать причину прежде, чем среагировала, – только глаза ее немного расширились: точно таким движением ее приветствовал когда-то адми-

рал Форратьер, и было это совсем в другой обстановке... Нет, сейчас не время для мучительных воспоминаний.

– Леди Форпатрил очень мне помогла, – произнесла Корделия, чтобы чем-то заполнить паузу. – Она так добра ко мне.

Фордариан деликатно кивнул в направлении ее живота:

– Насколько я понимаю, вас можно поздравить. Мальчик или девочка?

– Да, благодарю вас. Мальчик. Мне сказали, что его надо будет назвать Петер Майлз.

– Какая досада! Наверное, лорд-регент был бы куда более обрадован, если бы оказалась дочь.

Корделия склонила голову набок, удивленная явно ироническим тоном собеседника.

– А мне казалось, что все барраярские военные мечтают о сыновьях. Почему вы заговорили о дочери?

– Я полагаю, лорд Форкосиган весьма заинтересован в сохранении своей власти и после окончания срока регентства. И вы, миледи, наверняка согласитесь, что ему не найти для этого более галантного способа, как естественный переход в ранг императорского тестя?

Корделия пришла в полное недоумение:

– Вы думаете, Эйрел стал бы всерьез рассчитывать на то, что его будущая дочь и принц полюбят друг друга через полтора десятка лет?

– Полюбят? – в свою очередь изумился граф.

– Вы, барраярцы, просто... – Корделия едва успела прикусить язык, с которого готово было сорваться слово «ненормальные». – Уверяю вас, сэр, мой муж гораздо... прагматичней.

– Как интересно, – оживился Фордариан и вновь скользнул взглядом по ее животу. – Вы полагаете, его планы более прямолинейны?

– Простите? Не поняла.

Он улыбнулся и пожал плечами.

Почему-то она никак не могла уловить тайный смысл этого нелепого разговора. Корделия нахмурилась:

– Вы хотите сказать, что, родись у нас девочка, все думали бы так же, как вы?

– Безусловно.

Она досадливо вздохнула.

– Господи! Это... Не могу себе представить, чтобы кто-то в здравом уме пожелал хоть на минуту приблизиться к барраярскому трону – стать добровольной мишенью для любого маньяка. – На секунду перед ней предстало залитое кровью лицо оглохшего лейтенанта Куделки. – И заодно подвергнуть смертельной опасности тех, кто, на свою беду, окажется в эту минуту рядом с ним!

Граф сочувственно покивал.

– Да-да, тот неприятный инцидент. Вы не знаете, расследование уже принесло какие-нибудь результаты?

– Насколько мне известно, Негри и Иллиан подозревают в первую очередь цетагандийцев. Но стрелявшему удалось уйти.

– Обидно.

Фордариан залпом допил вино и, остановив разносившего напитки лакея, заменил свой пустой бокал полным. Корделия посмотрела на него с завистью – ей приходилось воздерживаться от спиртного. Вот и еще одно преимущество бетанских маточных репликаторов – не надо соблюдать все эти чертовы предосторожности. Дома она могла бы сколько угодно отравляться и вообще попадать в любые передраги, а ребенок бы тем временем спокойно рос под круглосуточным надзором трезвых техников, в незыблемом и безопасном уюте репликационного банка... А если бы она угодила под акустическую гранату? От такой мысли ей нестерпимо захотелось выпить.

Ладно, решила Корделия, обойдемся и без выпивки: разговор с барраярцами отупляет не хуже этанола. Она всмотрелась в толпу, ища глазами Форкосигана. Вот он – вместе с Ку беседует о чем-то с графом Петером и еще двумя сидящими мужчинами в графских камзолах. Как и предполагал Эйрел, слух у обоих восстановился через несколько дней.

– Лорда сильно обеспокоило это покушение? – спросил Фордариан, проследив ее взгляд.

– А вас бы такое не обеспокоило? – удивилась Корделия. – Не знаю... Он в своей жизни повидал столько насилия!.. Я даже представить себе не могу, сколько. Возможно, он уже просто не замечает выстрелов и взрывов. – «Хотела бы и я их не замечать».

– Но ведь вы знакомы очень недавно. Только с Эскобара, если мне не изменяет память.

– Мы встречались и до войны. Мимолетно.

– Вот как? – Фордариан приподнял брови. – Я этого не знал. Как мало мы знаем о других. – Он помолчал, задумчиво переводя взгляд с регента на Корделию, потом чуть заметно улыбнулся: – Он ведь бисексуал, знаете ли.

– Был бисексуалом, – рассеянно поправила его Корделия, с любовью наблюдая за мужем. – Сейчас он стопроцентно гетеросексуален.

Фордариан поперхнулся вином и закашлялся. Корделия никак не ожидала такого эффекта и уже хотела было похлопать своего высокородного собеседника по спине, но тот быстро восстановил и дыхание, и самообладание.

– Он сам вам сказал? – изумленно просипел граф.

– Нет, мне это сообщил адмирал Форратьер. Как раз перед своей... э-э... то есть перед несчастным случаем. – Фордариан, казалось, утратил дар речи, и Корделия ощутила прилив гордости – выходит, и ей по силам поставить в тупик барраярца. Если бы еще сообразить, что именно в ее словах так его огорошило... – Чем больше я думаю о Форратьере, – продолжала она, – тем более трагической кажется мне эта личность. Он был до конца одержим любовной связью, которая для Эйрела исчерпала себя еще восемнадцать лет назад. Но иногда я задумываюсь: а если бы он тогда удержал Эйрела – то разве смог бы Эйрел справиться с тем садизмом, который в конце концов подорвал разум Форратьера? Они словно раскачивались на каких-то дьявольских качелях, где жизнь одного означала гибель другого.

– Бетанка... – Оцепенение Фордариана прошло, и в его глазах теперь забрезжило новое чувство, которое Корделия про себя определила как «ужас осознания». – Мне следовало бы догадаться. Ведь в конце концов, именно ваш народ создал генетических гермафродитов... – Он помолчал. – И долго вы беседовали с Форратьером?

– Минут двадцать. Но это были очень насыщенные двадцать минут.

Корделия решила предоставить графу самостоятельно догадаться о смысле сказанного.

– Их... э-э... связь была в свое время огромным тайным скандалом.

Она сморщила нос.

– Огромным тайным скандалом? Разве эти понятия совместимы? Как «военное искусство» или «дружеский огонь»? Типичные барраяризмы, на мой взгляд.

Лицо Фордариана приняло какое-то странное выражение, и Корделия вдруг поняла, что так должен выглядеть человек, который швырнул в своего врага бомбу, а у него вместо «бумм!» получилось «пшик».

И тут настала ее очередь для «ужаса осознания». «Этот человек только что пытался взорвать мой брак. Нет... Брак Эйрела».

Она постаралась сохранить безмятежно-довольный вид, а ее мысли тем временем заработали – наконец-то! – на предельных оборотах. Фордариан не мог принадлежать к военной партии Форратьера – все ее лидеры погибли в эскобарской мясорубке, а рядовые члены рассеялись и сидели тихо. Что ему надо? Она поправила вплетенный в прическу цветок и решила, пока это возможно, прикидываться простушкой.

– Я и не думала, что выхожу замуж за сорокачетырехлетнего девственника, граф Фордариан.

– Да, конечно. – Он сделал еще глоток вина и улыбнулся: – Интересно, какие извращения он прощает вам? – И вдруг глаза его блеснули откровенной злобой. – Вы знаете, как умерла первая жена лорда Форкосигана?

– Самоубийство. Приставила к голове плазмотрон, – мгновенно отозвалась Корделия.

– Ходили слухи, что он сам убил ее. – Улыбка графа стала насмешливо-любезной. – За измены. Так что берегитесь, бетанка.

Теперь в его словах звучала угроза.

– Да, это я тоже слышала. Но в данном случае молва лжет. – Их разговор уже лишился видимости дружелюбия, и Корделия почувствовала, что запас ее самообладания иссякает. Она подалась вперед, понизив голос: – А вы знаете, почему погиб Форратьер?

– Э-э... Нет, не знаю. – Граф был явно заинтригован таким поворотом разговора.

– Он попытался причинить Эйрелу боль, воспользовавшись мною. Меня это... рассердило. И лучше бы вам, граф Фордариан, прекратить меня сердить. А то, не дай Бог, рассержусь! – И добавила совсем тихо, почти прошептала: – А это опасно.

К ее удивлению, угроза подействовала – покровительственно-пренебрежительный тон Фордариана исчез как по мановению волшебной палочки. Он сделал плавный жест, долженствовавший изображать прощальный поклон, и попятился:

– Миледи...

Уходя, граф оглянулся на нее через плечо, и взгляд его был откровенно испуганным.

Корделия, нахмурившись, смотрела ему вслед. Ого! Ну и странная вышла перепалка... Чего он ожидал, сообщая ей это устаревшее известие, словно бог весть какую страшную тайну? Неужели Фордариан вообразил, будто она устроит скандал мужу за то, что он плохо выбирал себе друзей двадцать лет назад? Может, наивная невеста-барраярка впала бы от подобной новости в истерику? «Он выстрелил, но промахнулся».

И следом пришла леденящая мысль: «Может быть, он уже однажды стрелял и тоже промахнулся?»

Это не было обычным светским разговором даже по меркам Барраяра, где беседа сродни фехтованию и каждый старается набрать побольше очков. Но, может, он просто пьян? Ей вдруг очень захотелось поговорить с Иллианом. Она прикрыла глаза, пытаясь успокоиться и рассуждать здраво.

– Как ты себя чувствуешь? – озабоченно спросил оказавшийся вдруг рядом Форкосиган. – Тебе не нужно принять твое лекарство от тошноты?

Корделия открыла глаза. Вот он, целый и невредимый, стоит тут, рядом с ней.

– О, я в полном порядке. – Она неожиданно взяла его под руку. (Никаких волнений, никаких!) – Просто задумалась.

– Гости уже рассаживаются.

– Прекрасно. Приятно будет сесть, а то у меня просто отваливаются ноги.

У Эйрела был такой вид, словно он сейчас подхватит жену на руки и понесет, но они чинно прошествовали к своим местам. Согласно церемониалу, их усадили за императорский стол; сюда же были приглашены премьер-министр Фортала и лорд-спикер с супругой. По настоянию Грегора с ними села и Друшикко; видно было, что он души не чает в своей бывшей телохранительнице. «Я отняла у тебя подругу игр, малыш?» – виновато подумала Корделия. Похоже, что так. Привыкшая к дворцовой атмосфере Дру чувствовала себя как рыба в воде в отличие от Куделки, который оцепенел, боясь совершить какую-нибудь промашку.

Корделию посадили между графом Форталой и лордом-спикером. Первый министр был, как всегда, обаятелен и прост в обращении, и застольная беседа не потребовала чрезмерных усилий. Корделия даже расхрабрилась и рискнула отведать всех подаваемых яств, за исклю-

чением жареного теленка, которого внесли целиком на огромном блюде. Обычно ей удавалось забыть о том, что на Барраяре белок не синтезируют, – он попадает в организм вместе с мясом убитых животных; во время астроэкспедиций она сама пару раз пробовала органическую ткань – в интересах науки. Но чтобы такое... Барраярцы встретили украшенный фруктами и цветами натюрморт аплодисментами, и повар, вышедший вслед за своим творением, раскланялся. Затем он ловко разрезал теленка, и слуги начали разносить гостям жаркое. Форкосиган выбрал порцию с кровью, и Корделия залпом выпила стакан воды.

После десерта и коротких официальных тостов, произнесенных премьер-министром и регентом, Карин увела Грегора спать, незаметно пригласив Корделию и Друшикко последовать за ними. Когда они вышли из огромного зала и поднялись в тихие личные покои императора, Корделию немного отпустила напряженность.

Грегора освободили от его мундирчика, и он нырнул в пижаму, снова превратившись во вполне обычного маленького мальчика. Дру проследила за тем, чтобы император почистил зубы, и в качестве особой поблажки согласилась сыграть с ним всего одну партию в какую-то местную разновидность шахмат. Карин, поцеловав сына, увела Корделию в гостиную, смежную со спальней. Здесь царил полумрак, в открытые окна из дворцового парка влетал ночной ветерок. Обе женщины со вздохом облегчения опустились на диван; принцесса скинула туфли, и Корделия тут же с радостью последовала ее примеру. Снизу, из темных аллей, доносились отдаленные голоса и смех.

– Сколько продлится праздник? – спросила Корделия.

– До рассвета – для тех, у кого хватит сил. Я уйду к себе в полночь, после чего за дело примутся любители выпить.

– Некоторые, похоже, выпили уже немало.

– К сожалению, – улыбнулась Карин. – Сегодня вы сможете наблюдать форов во всей их красе.

– Могу себе представить. Удивляюсь, почему вы не импортируете менее смертоносные средства воздействия на сознание.

Улыбка Карин стала жестче.

– Пьянство на Барраяре – это традиция. – Она немного смягчила тон. – По правде говоря, эти снадобья уже появляются – по крайней мере в городах, где есть космопорты. Но мы предпочитаем дополнять свои обычаи, а не заменять их.

– Вероятно, это самый правильный путь. – Корделия засмеялась, прикидывая, как бы поделикатнее сформулировать свой вопрос. – Скажите, ваше высочество, граф Вейдл Фордариан тоже относится к числу ревнителей традиционного барраярского пьянства?

– Нет. – Карин настороженно сощурилась. – А почему вы спрашиваете?

– У меня с ним был очень странный разговор. Я подумала, не объясняется ли эта странность чрезмерной дозой этанола. – Она вспомнила прикосновение руки Фордариана к колену принцессы – почти интимную ласку. – Вы хорошо его знаете? Что он за человек?

Карин задумчиво сказала:

– Он богат... горд... Остался верен старому императору во время последних интриг Зерга, подкапывавшегося под отца. Он предан Барраяру, всегда был защитником интересов дворянства. В округе Фордариана четыре крупных промышленных города, военные базы, склады, крупнейший военный космопорт... Война почти не коснулась тех мест – они были среди немногих, откуда цетагандийцы ушли без боя, по мирному договору. Мы построили там наши первые космические базы, используя аэродромы врагов...

– Простите, ваше высочество, – перебила Корделия, – но меня больше интересует личность этого человека. Например, его... э-э... симпатии и антипатии. Он вам нравится?

– Одно время, – медленно проговорила Карин, – я надеялась, что Вейдл сумеет защитить меня от Зерга. Когда болезнь Эзара обострилась, я поняла, что мне необходимо подумать о самозащите. Я находилась в полной изоляции.

– Но если бы кронпринц Зерг стал императором, разве смог бы простой граф защитить вас? – спросила Корделия.

– Ему пришлось бы стать... чем-то большим, чем граф. Вейдл честолюбив, и если бы его честолюбие удалось направить должным образом, он мог стать спасителем и для меня, и для всей страны – видит Бог, останься Зерг жив, он погубил бы Барраяр. Но император Эзар пообещал, что мне ничего не надо бояться, – и он сдержал свое слово. Кронпринц Зерг умер раньше своего отца. И вот с тех пор я пытаюсь охладить мои отношения с Вейдлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.